

Первый номер вышел в январе 1924 года

№ 2 ЯНВАРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена 1000

Георгий РАДОВ

ЗАТЕИШКИ

Давно люблю это меткое русское слово — «затейщик» — ах, впрочем, и глаголы «затеять», «затевать», выражавшие, на мой взгляд, одно из удивительных свойств советского характера. Владимир Иванович Даля — он ведь вот каков! Даёт толкование этим словам: «затевать, затеять» — задумывать, придумывать, выгадывать, вымысливать и замышлять; зачинщик, быть зачинщиком, конноводом, выдумщиком и исполнителем выдумок своих». Всё это наш! Наш это, притом и задумывать и задумываться, и затевать, и затеваться, а больше всего же — «затеять и выдумать и исполнить выдумку своих! С тем мы выросли, в том же духе пастусим детям своих, то же самое внушили внукам, гражданам страны особенной, новаторской, страны-разведчицы, чей великий затевщик Владимир Ильич Ленин даже о слове «фантазер», вызывающем негодование респектабельных обывателей, отзывался в высшей степени положительно.

Тут, впрочем, не следует путать затевщика с затейником, хотя и затейник — фигура, ох как необходимая в жизни нашей! Это, по уточнению Даля, «шутник, веселечка, затевающий всячину в общест-

Фото В. САККА

вся. Но затейникам важней! Затейники — куда серьезней! Как определят слова, это человек, затевавший путь... не шутки».

Сколько живу, вину вокруг себя затевавших. Первый из них, мой пионерский вожжет Вания Негруль, и по сей день шлет письма. Будто бы забывая, что и мне уже за пятьдесят, пишет: «До свидания, моя малыши! К борьбе за рабочее дело будь готов!» И недаром так: сегодняшний он-коммунист Тимофей Иванович Негруль живет он нынче в Минске — помимо своих построек друзей-комсомольцев, а в позапрошлом году это он вместе с другим станичником Иваном Ялло собрал у нас в Басаринской, под Краснодаром, едва ли не всех оставшихся в живых станичных комсомольцев и пионеров двадцатых годов...

Он между прочим, был и затейником: и весельчиком и человечком, затевавшим всяческую в обществе: футбольные они, именно они привели в нашу станицу, Валера и Жора Негрули и третий брат из этой комсомольской семьи, геройски умерший в 1943 году в последние годы полковника в отставке Семен Ребров. А спектакли, как тогда называли их, постановки в народном доме...

А линбейз!! Наша станица, это и в документах увековечено,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 2 (1000)

1969

ЯНВАРЬ

Наша обложка: тысячный номер «Смены».

Работа художника
О. БЕЗУХОВА

4 В КАДРЕ ЛЕНИН:

Стокгольм, 13 апреля 1917 года.

12 Владимир СОЛОУХИН
представляет наш новый
раздел «Красота родной
земли».

20 Мир молодости
в работах фотомастеров:
ВЬЕТНАМСКИЕ
МОЛОДОЧКИ.

26 О своих сегодняшних де-
лах рассказывает прослав-
ленный советский штан-
гист Юрий ВЛАСОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВ. ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ:

ВОЛОГОДСКИЕ УЗОРЫ

ПОЕТ ГЮЛЛИ ЧОХЕЛИ

АДМИРАЛ А. Т. ЧАБАНЕНКО: ВОЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ
ПОВЕСТЬ-АНТИДЕТЕКТИВ «ДВОЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ»
АРКАДИЯ И ГЕОРГИЯ ВАЙНЕРОВ

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Кунешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рыбников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник-сформитель В. Соколов Технический редактор Н. Будкина

была одна из первых в России по части ликвидации неграмотности и получила за это премию — «киноленты» — штуку в станицах вовсе не выданную в те годы. Сама Надежда Константиновна Крупская лично интересовалась делами всесоюзных «однодневок» (было такое ОДН — Общество «Долой неграмотность!») — до сих пор помнил железнодорожный транспорт на столбе против станичного совета: грозный мужчина перестом оставил плаху и вопросил: «Ты вступил в ОДН?»

Давно, если глядеть на нее с вершини сегодняшних грандиозных зятей, — нет, она вовсе не блекнет, эта затея двадцатых годов — ликвидация неграмотности. Тут ведь не только о простом — грамоте — шла речь, а о проницании миллионов и миллиардов людей к жизни настоящей, активной, к деятельности общественной! А кто же у нас в Всесоюзной была затеячиком этого?

Я увидел эти вновь открытые жертвы на слете комсомольских работников городов. Всю Нетропу — это ее я бросил — нас, павловцев, на перепись неграмотных, и Михаила Кузьминича Смотрова, бывшего секретаря станичного совета по должностям, а по общему признанию главного запевала культурных дел в станице и его брата Петра Кузьмича. Затеявшаяся жижа, завязавшая о себе еще вон когда — в двадцатых — потому привела братьев Смотровых до ужасающиеся были запечатлены сельскохозяйственным отделом обкома партии в Ростове, а Пётр Кузьминич сократировался в рабочем, на Кубани, в Горчакове. И еще я встретил одного из затеячиков — с ним мы, павловцы — переписчики неграмотности (боже мой, как же мы были тогда одеты!), снялись на карточку в двадцатый седьмом году, и он, Иван Дудченко, один из активистов либеровцев, был запечатлен в кабинете начальника сельскохозяйственной школы. Между прочим, когда на встрече со школьниками одна современная воспитанница — была она в шелковой кофточке, шерстяной юбке и новых туфельках — когда она рассматривала карточку и увидела на ней мое, так сказать, персону, в сатиновом драпировке «клипфите» и замыганным карточкой, то всхлипнула: «Так вот почему вас называли гододрачими!»

Я был бы несправедлив, если б и чисто затеячиков Всю Либензиду — иначе его не назовешь — не привнесли Шурку Куприянова — нынче он, Александр Федорович Куприянов, один из физиков-деятелей в Латвии. Шурка, да прости от меня фамильярность, был одним из первых вокalistов станичных комсомолки и, как я понял и из разговоров и по письмам, сквозь все жизни прошел и до наших дней донес особый затеяющий чрез — такую увлеченностей делом, которая тотчас же передается другим и заражает других.

Да, конечно же, Федор Иванович, не забыл, но вместе с тем и рабочий-путтиловец — он тогда только вышел из комсомольского возраста — затеял неподалеку от станицы, на хуторе, коммуну «Братская жизнь»...

Никогда этого не забуду: Ваня Негруль, воинственный, понимаешь, в июле, в саду, повес наесь, весь пионерский отряд, на зупор к коммунарам. Шли походным порядком, босыми ногами «печатали» шаг на пыльном шлаху. Тыль можно обладательницей, курчавой, и синеватой молотковой беданией «сущинами» тоже, и казаки в соломенных брияях и казаки в белых платочках, надвинутых к самым бровям, опернувшись на цепи, смотрели на нас с величественным удивлением, а мы шли, высоко вскинув головы, все в красных галстуках, а барабанщики смыкали: «Старый барабанщик... Старый барабанщик... тра-та-там, тра-та-там...»

Такое и впрямь запоминается на всю жизнь: мы увидели людей, живущих в одном из селений, общин, селений, затеявших усадьбы и хотевших знать кубанскую станицу конца двадцатых годов, раздираемую классовыми противоречиями, станицу, в которой «сосуществовали» кудах Прасоловы — хороши помню его, как с плакеткой перенесенное в жизнь, скулаков жирные лоба лицо, истиранные багровой волченицей — владелец паровой маслобойки, «обదиравший» бараков и постоянно воевавший с «богачами» — синеватыми молотками, сонячными брияями и беданий, головы, у которых головы на благодатной Кубани не хватало хлеба до нонинь... Так вот, надо было знать и чувствовать эту станицу, чтобы понять, какой очешмеливающей новостью была для нее коммуна «Братская жизнь», где в самом деле все были братьями, работали на общей замле, кормились из одного котла и

где все делались поровну (потом мы осудили сажу, уравнили землю, но ведь не колхозники же).

Позже я понял, что нет, не зря, не для «глаголики», как сказали бы нынче, водил нас Ваня Негруль в коммуну и совсем не зря так радушно принимал нас Федор Мироненко. Коммунары покормили нас обедом, а потом Федор, Васильевич — червоносумый красавец был в ту пору притянутый три арфа — барабанщик, спасший плавающих на сидорах, взялся за руль, что-то ручкой завел мотор, окунувшийся в синий дымком, и хрохот, слабенький в общем-то, как сказали бы мы сегодня, а тогда казавшийся нам и сильным и могучим, трактор подвёз нас домой. Ехали тем же шлахом, жаркий ветер раздувал густые, словно батраки и батраки выходили из дырок и проворвали нас, на посыпанную горчицей и мукой дружины. «Фуршет»: легендарный синий барабанщик Ефим Зубков) и, состоявшись с треском — а мы, казалось, что с тресотом, — «фирзан», был и был в барабан: «Старый барабанщик, старый барабанщик, тра-та-там, тра-та-там...»

Да, совсем не зря, и с а дальнейшим заглядом с большой надеждой на нас, свою смешу, влюблены мальчишек и девчонок станичные запевали в то, что рождалось из нового, из эпохи, из времени, из определенного исторического спутника, когда Виктор Финогенов Чернов, молодой и не синий то грамотный дембелизованный красноармеец — через тридцать пять лет я встретил его преподавателем института — «взглядев затеянный станичными коммунистами колхоз-глаголи, мы уже, пядядиатдательство-шестнадцатиление, были убежденнейшими колхозистами и дежурили на стадионах и скульптурах и разисланы повсюду в сорок первом, в еще два года спустя на полях с сорняками, в сорняках, еще виноваты мазуральи разрывали замлю, искали в кулацких имах награбленное у молодого колхоза зерно». Позже, гораздо позже, спустя десятилетия нам предстояло еще заглянуть в свое прошлое, оценить его сложность, по-взрослому разобраться в нем... Но если мы, и разобрались во всем и осудили то, что эззасложило осуждению, в частности спортивную «перепечку», ошибки в политической концепции, включая ее, так неожиданно в этом заслути! Не вернее ли сказать за все это, за наш душевный настрой, за то, что зовется длинным словом «мироподъзврение», не вернее ли за все это сказать спасибо им, затеячикам, первым встретившимися на началь нашей дороги настоющим ленинцам?

Нет, затеячики отнюдь не должностные категория, хотя люди, когда дадут тебе один из этих званий, не будешь ушибаться — это совсем не было настолько; в безлеместной стени сидами районной комсомольской возвести вышли, чтобы притянуть ребят и девчачь к высоте, к парашюту, кlixости, и ведь не для баловства совсем, не для развлечения. Начиналась — то воров половины тридцатых годов. В политехнических мы изучали доклад Георгия Дмитриева на конгрессе Коминтерна, мы изучали годы и видели, как поднимают ушибаться — и боялись, что Ильинскому по кубанскому народу становились хлопни штаны в танковые и летучие училища. И синий монголоидный зозев, дружок и одногодок, однажды явился домой в курсантовской шинели. С тех пор я не видел его, и только на днях знакомый станичник сказал: «Э, да он же генерал!» И Миша Руднев, повторю, он был и грамотнее и старше, и понимал это лучше, чем я, смотрел на меня с любопытством, на лицах рабочего комсомола, среди забот о молодежных зензах на сваляке, и о молодежных комбайновых энгахах, и на рядах по охране хлебов и экономии горючего, и прочей «техники», той великой «техники», что корнила страну, среди этой «техники» он находил время для этого: для единственной тогда на Кубани парашютной вышки, и для стрелковых кружков, и для спортивных секций, и для соревнований, и для воспроизведения традиций красного казачества, казачества Квяткова, Яблоби, «Кезелюного потока»...

Потом, спустя пять шесть лет, сранься в канавах кавалерийских дивизиях, да и в пехотных полках, в танковых ротах, молодые станичники добром помнили затеи Миши Руднева, в том числе и вышку и краевые праздники: комсомол подготовил этих ребят к войне...

Стааница спала, погруженная в непривычные для нее глубокие глубины снега. Серощит, низенький, худощавый, в накинутой на плечи стягиче, — его позабывало — ходил по кабинету и, покашливая, рассказывал о своих планах — поразительно, что, вспомнив о нем, я ловил себя на том, что он притягивал к себе внимание, становясь самым собой разумом... Так вот, тогда он был узелен, его просто-таки томила мысль о сорока возможных на усть-лабинской земле центирах с гектара, и, может, забыл бы о том разговоре — что не мечтает о таких урожаях! — если бы именно тогда не была названа Иваном Кузьминичем Филиппием агрономом Ивана Тимофеевича Сидоренко. Оказалось, Серощит на самом деле знал Сидоренко, и сопровождал и занимался его опытами, и как человек, обладавший не только фантазией, но и практической сметкой, тотчас же начал придумывать, считать, словом, намечать диспозиции масового движения за сорок центира. На моих глазах, что называется, рождались затеи...

А минувшей осенью с Иваном Тимофеевичем Сидоренко, председателем комитета «Кубань», заслуженным работником сельского хозяйства, с которым было собрано более пятидесяти центиев пшеницы с гектара. Пятьдесят один центр — такой вышла «срядная» цифра в «Кубани» — урожай, сами понимаете, выдающийся; и мы вспомнили о Серощите, который не дожил до исполнения задумки своей, но, разумеется, и его пай и его доли были в этих пятидесяти центиерах, потому что это тогда заметили и вспомнили о нем самое когда-то небывалое и сибиряк Миша Руднев.

Михаил Дмитриевич Руднев, шестидесятичетырех летний персональный пенсионер, нынче работает в московском автотранспортном ведомстве. На них я позовин ему, услышав в трубке молодой голос, и смех, и зоркий вопрос:

— Ну, как там наша вышка?

Да, парашютная вышка, один из изобретений ушибаться — это совсем не было настолько; в безлеместной стени сидами районной комсомольской возвести вышли, чтобы притянуть ребят и девчачь к высоте, к парашюту, кlixости, и ведь не для баловства совсем, не для развлечения. Начиналась — то воров половины тридцатых годов. В политехнических мы изучали доклад Георгия Дмитриева на конгрессе Коминтерна, мы изучали годы и видели, как поднимают ушибаться — и боялись, что Ильинскому по кубанскому народу становились хлопни штаны в танковые и летучие училища. И синий монголоидный зозев, дружок и одногодок, однажды явился домой в курсантовской шинели. С тех пор я не видел его, и только на днях знакомый станичник сказал: «Э, да он же генерал!» И Миша Руднев, повторю, он был и грамотнее и старше, и понимал это лучше, чем я, смотрел на меня с любопытством, на лицах рабочего комсомола, среди забот о молодежных зензах на сваляке, и о молодежных комбайновых энгахах, и на рядах по охране хлебов и экономии горючего, и прочей «техники», той великой «техники», что корнила страну, среди этой «техники» он находил время для этого: для единственной тогда на Кубани парашютной вышки, и для стрелковых кружков, и для соревнований, и для воспроизведения традиций красного казачества, казачества Квяткова, Яблоби, «Кезелюного потока»...

Потом, спустя пять шесть лет, сранься в канавах кавалерийских дивизиях, да и в пехотных полках, в танковых ротах, молодые станичники добром помнили затеи Миши Руднева, в том числе и вышку и краевые праздники: комсомол подготовил этих ребят к войне...

Да, еще раз говорю, так слушают, как же это жизнь, не спускают затеи. Тут еще и то надо учить, что и профессионально меня, литератора-деревенщика, всегда тянуло к ним, запевала, придумщикам и «исполнителям» выдумки своих! И вот, оставаясь в покое историю, передую правоцентрическую свойства, жажду жестокости, сорок седьмой год, я вспоминаю затеи, которые заслуживаются именем Героя Социалистического Труда Володи Перанского и его первых дружин...

Но прежде все-таки несколько общих замечаний о затеях как type, несколько штрихов к тому, что теперь зовется социальным портретом. Он, разумеется, талант, наш затеящик, и, как всякий талант, и неповторим и своеобразен. До-

пустын, мой старый знакомый, ныне покойный Михаил Ерофеевич Ефремов, известнейший хлебороб Сибири, «сдражанный» даже мальчаками, никак не был похож на огненного украинца Александра Гиталова, хотя оба они в одинаковой степени были и передовиками и «хлаждаками», в каком качестве Гиталов пребывает и по сей день. Так что каждый зятекий — личность, тем и своеобразен!

И вот-таки, если поискать, есть у них, у зятеких, и общие типичные черточки.

Ну, конечно, это совсем не новаторы-одиночки, непокоряты и не признанные «толпой» и обретающие где-нибудь в зоопарках, как это представляли нам порой на экране. Зятекий всегда на миру, хоть поту от самой его задумки до ее исполнения у зятекий часто — и не будем кричать дураками — не стесняясь чести и трудом и добротой.

Лично я, например, не буду приводить, о силе инерции, и они, эти силы, живут, противодействуют новшествам, и, чтобы их одолеть силой примера, нужен и характер самого зятекий и настойчивость его помощников и сторонников.

Так вот за то и центризует зятекий — за смелость, за убежденность, за цепкость, за настойчивость, словом, за твердый характер! Терентий Семенович Мальцов еще вон из колхоза, социалистического, из земли, из деревни, из дома, из страны, из «Зарялы», но кроме же подлинного мужества и какое воистину большевистское упорство явил этот человек, прежде чем его методы, его система утвердились и были приняты людьми!

Да добиться признания и исполнения твоей здумки, системы, метода, открытия — это же, конечно, важно. Только ведь в том и особенность зятекий, что для этого это не довольствуется. Да предстает с собой.

Больше пятидесяти лет знаю Василий Степанович Пустовойт, селекционер, человек, обновивший подсолнечники, вернее, создавший совсем новое растение, невиданное на земле. Когда он, Пустовойт, брался за подсолнечники, в подсолнечном семенке было двадцать шесть, от силы двадцать восемь процентов масла. Сегодня маслобойные заводы в среднем дают получаса не меньше, чем по пятьдесят процентов масла. И вот глядя, как Володя — так просили в районе — как это и обычно делается, проглатывал колхозникам не похоже на лекцию о своей технологии, в общем, «пламенным» словом вдохновил колхозников на борьбу за урожай. Но «пламенные» слова оказались мало...

И предстает колхоз и агромомы встретили зятекий, и зятекий не всему, случася, с недоверием. Логика у них была такая: зятекий звезд Героя Социалистического Труда, горюшо: работает в научном институте, всем обеспечивает, а земли отличные. Вот если бы попробовали на наших солончаках! Колхозники были правы в одном: солнечники и априль кудя тяжелей и несподручней, чем земли, к которым привыкли Володя. Что же требовалось от Героя? Закончили «Совхоз» в Новокузнецке, «восхоз», в конце концов никто и не спрашивал о земельной ответственности за урожай на чужих солончаках...

Но и Володя и Коля были зятекими, что называется, нашего, советского образца. Они переглянулись и неожиданно для хозяев пришли звать, сказали: «Вот хотите, чтобы мы попробовали и получили урожай на вашем земле...» — пожалуйста, нечестивые участки!..

И опять-таки зятекий подсобности, налагая свою суть. Звезды Володи нарезали сорок гектаров солончаков рядом с такими же сороками гектарами колхозного звена. Коля Прутков за сто километров отправился на своем тракторе и прокопроворовал и засеял эту землю по своей технологии, причем и орудия, и семена, и удобрения были точно как у зятеков-колхозников. Потом, взведши кукурузу, было обработано...

Следует отметить, что зятекий засеял земли, то оказалось, что участок, обработанный Колей Прутковым, дал по сорок одному центнеру с гектара, тогда как «хозяева» рядом собрали всего по шестнадцать центнеров с гектара. Сорок один — шестнадцать! Так, не испугавшись, и впрямь трудных условий и риска, Володя Первицкий и Коля — Прутков доказали и верности своей технологии и способности к работе аккордной олаты, труда, которая, однажды начавшись, не останавливается. И зятекий звезды земли засеяли хлебородом и урожаем. Теперь в Новокузнецком районе во всех солончаках и колхозах созданы земли на аккордно-премиальной оплате. А между прочим, в те самые дни, когда Коля Прутков работал на чужих солончаках, в эти самые дни Володя Первицкий ставил такой же опыт в Эркин-Юртовском совхозе Карабаево-Черкесии и там, в селе Красногорье, на чужой, плохой земле, получив тридцать килограммов зерна с гектара.

Недавно мы с Володей и Колей выпалили по Центральному телевидению, участвовали в « круглом столе» «Правды», и звездный учитель уж «с цифрами в руках» доказывал, что хлебород должен стать подлинным хозяином земли: ему нужно по-настоящему заинтересоваться в урожае, а стало быть, необходимо повсеместно вводить безнарядную борьбу и засеяния с аккордной оплатой от центнера. И возвращать ему было невозможно: земли руки, не опыте, он доказал пользу своей земли...

Он прожил в Москве больше недели, но мы почти не виделись: с утра Володя и его друг — экономист Саша Еркес уезжал по кабинетам, а я, впрочем, не галактии, на высокой выработке, а только в одном — в урожае, а еще потому, что

зяко работает на взаимном доверии при взаимном контроле, и результаты это ни год превосходный. Урожай — насыщенный в окружке Махинизацией растет. И пшеница, и кукуруза, и подсолнечник обходятся гораздо дешевле, чем у соседей, а заработка механизаторов при этом очень высок. Впрочем, о подростках нового дела не однажды рассказывала пресса, в том числе и я писал об этом в «Правде» и в «Литературной газете». Но в настоящий час жители интересует не сама землевладельческая система и не порядок оплаты, а характер Первицкого...

Тут ведь опять тот случай, что и с Пустовойтом, та же типичная черточка. Володя, на взгляд обывателя, всегда добился: дело в звезде отложено, он Герой Социалистического Труда, урожай у него растут, заработок механизаторов превосходит... Известность! Есть Уважение! Есть! Живы, известны, звезды, а звезды, как говорится, добровольно издают свет, чтобы привлечь внимание...

И минувшей весной Володя и его помощники и друг тракторист Коля Прутков оказались в ста километрах от своего участка, в отсталом колхозе «Ульянова», где до сих пор собирали по однажды падающие центнеры кукурузы с гектара (звезда «засеяла» вон там, где не засеяла, не меньше, чем по пятьдесят процентов). И вот, случилось, что Володя — так просили в районе — как это и обычно делается, проглатывал колхозникам не похоже на лекцию о своей технологии, в общем, «пламенным» словом вдохновил колхозников на борьбу за урожай. Но «пламенные» слова оказались мало...

И предстает колхоз и агромомы встретили зятекий, и зятекий не всему, случася, с недоверием. Логика у них была такая: зятекий звезд Героя Социалистического Труда, горюшо: работает в научном институте, всем обеспечивает, а земли отличные. Вот если бы попробовали на наших солончаках! Колхозники были правы в одном: солнечники и априль кудя тяжелей и несподручней, чем земли, к которым привыкли Володя. Что же требовалось от Героя? Закончили «Совхоз» в Новокузнецке, «восхоз», в конце концов никто и не спрашивал о земельной ответственности за урожай на чужих солончаках...

Но и Володя и Коля были зятекими, что называется, нашего, советского образца. Они переглянулись и неожиданно для хозяев пришли звать, сказали: «Вот хотите, чтобы мы попробовали и получили урожай на вашем земле...» — пожалуйста, нечестивые участки!..

И опять-таки зятекий подсобности, налагая свою суть. Звезды Володи нарезали сорок гектаров солончаков рядом с такими же сороками гектарами колхозного звена. Коля Прутков за сто километров отправился на своем тракторе и прокопроворовал и засеял эту землю по своей технологии, причем и орудия, и семена, и удобрения были точно как у зятеков-колхозников. Потом, взведши кукурузу, было обработано...

Следует отметить, что участок, обработанный Колей Прутковым, дал по сорок одному центнеру с гектара, тогда как «хозяева» рядом собрали всего по шестнадцать центнеров с гектара. Сорок один — шестнадцать! Так, не испугавшись, и впрямь трудных условий и риска, Володя Первицкий и Коля — Прутков доказали и верности своей технологии и способности к работе аккордной олаты, труда, которая, однажды начавшись, не останавливается. И зятекий звезды земли засеяли хлебородом и урожаем. Теперь в Новокузнецком районе во всех солончаках и колхозах созданы земли на аккордно-премиальной оплате. А между прочим, в те самые дни, когда Коля Прутков работал на чужих солончаках, в эти самые дни Володя Первицкий ставил такой же опыт в Эркин-Юртовском совхозе Карабаево-Черкесии и там, в селе Красногорье, на чужой, плохой земле, получив тридцать килограммов зерна с гектара.

Недавно мы с Володей и Колей выпалили по Центральному телевидению, участвовали в « круглом столе» «Правды», и звездный учитель уж «с цифрами в руках» доказывал, что хлебород

то в научные институты, — и я дивился: да сколько же у него, у Героя, забоят! Не одни звезды: система, которую он «пробивает» с редкой настойчивостью, и то, что «зубы» опыта с нормами высева, которые его звено ведет, между прочим, при деятельнейшем участии такого же зятека, талантливого журналиста из «Комсомолки», Томи Иванченко...

Зятекий. Не могу засечь эти замечания, не смея с глазами всплеснуть, не говорить, сиюминутном, а иначе о походе на Второй Московский часовой завод. Давно, восвездивший лет назад, мне пришло вдруг познакомиться с инструментальным делом на заводе счетных машин (но в качестве корреспондента), я, разумеется, очень хотелось узнать, как же оно шагнуло вперед, наше точное машиностроение, и я прошел в звезды, я знаю. Все случалось в бояре подружусь, министр приборостроения, средства автоматизации и систем управления СССР К. Н. Руднев, рассказал о множестве интересных вещей на встрече с московскими писателями, присгласил нас к часочкам...

Я бы не стал поминать об этой мимолетной экскурсии: огромный, сложный, и надо сказать, первоклассный завод, на котором не узелок не засунешь, не окошко место не оставь без шиншиллы, привнес сейчас явно же тема нашего разговора. Вот что бросилось в глаза, что называется, с порога: зятекий, радионавигаторы, двигатели технического прогресса, — насколько же тынче, умнее, а вместе с тем и труднее, «заковырься», стала в деятельности! Завод нам показывал директор Николай Николаевич Волков, один из лауреатов Ленинской премии и мы видели то, что зятекий машиностроение было не просто привнес в частнос, автоматические линии. Открытие крыши своих наручных часов, допустим, женских, посмотрите, какие там крахмальные и притом замысловатые «деталишки», и представьте себе, сколько точно и сколь синхронно должны работать стакни, соединенные в линию, чтобы эти «деталишки» обрабатывать, — счет-то идет на микронах! И какими же образованы, тонаини, кукурузы, бывают, бывают, бывают... Ну, конечно, автоматика еще не овладела микром и многими процессами — в часы включают огромную долю ручного труда, порой однотипного, надоделного, и зятекий с тем, большим упорством всех торги и торги дорожу автомотике. Мы видели, например, одно из чудес для глаза неподражаемого, как автомат запрещенное краинским рубином, стекло же кроты открытие, это звезды, это звезды, это звезды... Потом мы видели взрывательный центр и то, что он ежедневно подает на стол директора и специалистов: глубокий анализ производственных ступок, — мне вспомнились шумные, сумтанные планерки давних минувших лет, когда самые «аристократы» начальники звездились «спикотехниками», то есть взвались своим на члены планеры, пользуюсь тем, что звезды не могут не знать, что такое «спикотехника». И вот новая атмосфера, силая, совсем наподобие климат — вычислительный центр, способный «считать» три миллиона операций и проделать баге всего как манипуляции с цифрами по воде человека, — и при этом все это для меня, например, «чудес звезды» люди рассматривают лица, как начало совершенствования системы управления, как начало...

И директор, и секретарь партии, и председатель звезды, и инженеры, рассказывали мне, о том, сколько людей на заводе со средним образованием, и сколько учатся, и что становилось понятно, чтобы учитывать уровень заводского дела, и думалось: да ведь, вот он каким грамотным, подкованным должен быть, современный зятекий, чтобы толкать вперед прогресс, заглядывать в техническое и научное будущее. Но это, как говорится, уже особая статья...

...Вот так с зятеками. Из поколения в поколение, от отцов к детям передается, как эстафета, эта негаснущая искра разведки, поиска нового, полезного для людей, есть это, без чего нельзя жить стране, на которую надеждой смотрят народы Планеты...

Я знаю, что эти строки будут напечатаны в юбилейном номере «Правды», и я знаю, что один из любых изданий советской молодежи, я знаю, очнется, когда журналь и вперед восселят зятекий, поддерживая зятекин и сам был зятекий, смелым, настырым и цепким зятеком, — читатель это оценит!

льм, 13 апреля 1917 года

полного негатива. Негатив этот хранится у меня... Мой отец Винче Малмстрём не был членом социал-демократической партии Швеции. Но он всегда был на стороне рабочего класса, поддерживая друзей с лидерами, делая фотографии для левых газет. Мой отец, пытавшийся по всему миру и очаровывавший всех в Стокгольме. Моя мама он не смылся. Он умер. Скончалась и его помимо, он всегда был с изнеможением в руках... Ему называли первым фотографом Швеции.

Далее он сообщал имена людей, которых мы видели на снимке рядом с Ленинским. Слева — Туре Нерман и несколько позади — Фредерик Стрем. И потом, я видела на портрете Соломона Маркса — главного, некогда, на руках оригинал стокгольмского снимка. Долгими вечерами я разглядывала фотографию через лупу, сравнивая имена на нем с именами на снимке портфеля. Ничего нового, ничего утешительного. Значит, опять — а когда же разумеется? — нечестивый нападок на Ленина. Кто если из представителей партии мог быть в то время в Стокгольме? — задал и себе этот вопрос Нерман. Это он принял на себя заботы по встрече ленинской группы в Стокгольме и в этот момент, когда я видела его, состоялся визит ЦК партии. Во-вторых, в Воровский, тоже вошёл в состав членов Заграничного бюро. Да, эти люди настолько хороши...

Друг Ганнинг дарит мне фотографию отца: Из фотокартины русской делегации на Генуэзской конференции. На снимке — Ленин. Слева Снова обращаются к стокгольмскому снимку. Внимательно — лицо за лицом — рассматривают его. Ганнинг, сидящий слева, говорит: «Он изображает бесподобную с Крупской». Уж, не Воровский ли это? С помощьюrepidционной камеры «вытащили» из памяти фотографии из прошлого с портретом. Нинахных сомнений — Вацлав Баулахо-

вич Воровский. Для еще большей уверенности называю снимки специалистам: «Это Воровский!» — заявляют они обоих.

Из Амстердама? Она-то непременно должна была быть в ленинской группе. Но как узнать, кто из ленинцев кроме — социал-демократов, на столе ганнинговской снимок Арманд?

Решаю: надо искать приставки...

Вспоминаю о том, что в Стокгольме я была в семинарского года.

Вспоминаю политзимигрантов. Одно, другое, третье... И ничего для меня интересного... — отрываясь, — лежит у меня в ящике. И вот, в один из ленинских дней мне подаренный. И, просмотрев ее вскользь, я совершенно случайно прочел абзац из письма Фридриха Платтера к Фридриху Крауссу. Это письмо было написано в день начала отъезда ленинской группы из Швеции. Среди

прочих подробностей была, представьте себе, и Татьяна Блюменталь. И я сразу же вспомнила, что

в случае успешных переговоров Фридрих Платтер с германскими представителями вставила в свою школу в Берлине Фридрих Краусс. И вот я вижу снимок. Осмотрев с великой тщательностью головные уборы ленинки. Есть! Едва уловимый чертеж на краю кашемировой шапочки рядом с Воровским и Крупской. Имясса Арманд!

Я мог бы и дальше продолжить свой рассказ о расшифровке стокгольмского снимка. Но, нажмите мне, наиболее любопытные подробности лежат у меня в ящике. И я не могу их показать. Но, по крайней мере, я могу показать фотографии, сделанные на нашем снимке почти все люди теперь «расшифрованы». И сейчас я занимаюсь изучением

О самом главном вы опять-таки знаете. Три дня спустя после того, как были сделаны стокгольмский и ленинские фотографии, я сделала Петербург. И здесь перед народом он произнес свою первую после эмиграции речь, которую закончил словами: «Да здравствует социал-демократическая революция!»

Ленинский день 13 апреля 1917 года стал достоянием истории благодаря этому снимку (фотография впервые публикуется полностью с негатива, присланного в СССР Малмстрёмом-хладшим).

Автор стокгольмского снимка Винче Малмстрём (Фото 1917 года. Публикуется впервые).

У ШОЛОХОВА В ВЕШЕНСКОЙ

Как один из старейших авторов "Смены", представивший в журнале свое в 1925 г., № 120, "Роден" сочинил первые поздравления в 6124 в честь выхода первого номера в Николо-Лескове. Далее он говорил: "Мы сидели у берегов реки и писали поздравления".

Василий Шолохов

28. 11. 68.

С. Вешенская

литературная психология не отличается особой оригинальностью. Всем, кто попадал в станицу Вешенскую, после обязательного спасения сообщали, как там живут встречники из края Григория Напакова, Аксиньи или деда Щухара. Может быть, что кощунства в репортаже в пропаганде фраза иной раз и вызывает ироническую усмешку в адрес нездадимых журналистов, которые никак не могут обратиться ни к добрым избитым газетных штампами.

Но что поделяешь, если это происходит помимо твоей воли? Что по-делаешь, если, ступив на эту называемую тебе землю, действительно начинавшую искать и находить до боли знакомые места, лица, а своеобразный донской говор кажется таким близким, будто слышан его всю жизнь?

Вот так в кубинском поселке Кохимир приезжие ищут старого рыбака, который послужил Хемингуэю прототипом героя в повести «Старик и море». Напрасно думал Эрикто убеждал, что старик Сантьяго — образ собирательный, что нет конкретного человека с таким именем. Он спас Восторженных поклонников в рассказе находит прообраз и танут с ними маленькие поганками Бакарди со льдом в крошечной забегаловке на берегу моря.

Вот так поднимаются на самонскую гору Ваза в могиле Роберта Луиса Стивенсона, надеясь на глухую тропу, чтобы услышать песню капитана Флинта...

Читатель любит конкретизировать художественный образ и материализовать мысли писателя. Да вот беда: добиться его признания удается далеко не каждому из пишущих. А при жизни стать признанным классиком — и того реже. Тут нужно нечто гораздо большее, чем простое «по-запросу».

Но хочется говорить, что привычных фраз, кроме произведения, созданные в эпохах, историческая летопись героических дней и тому подобное. Хочется сказать просто: книга должна быть Книгой, если через десятилетия она будет читаться как книга собирательная, спящая в ней, если годы не могут стереть в памяти ни скоженое ею, ни детали, а героям знающие так хорошо, что, повстречав случайно на улице, скажут: «Это он».

«Ноу» дожил много лет. Изъездил, кажется, все станицы и хутора. Но Вешенскую не оставил, не брошил по улицам в поисках знакомых похожим Дону и «Подиантей» целинных литературных героя. (Все это уже было со мной раньше.) По проходившему автомашинам понтионному мосту перешел на правый берег, ведь в зарослах краснотела, осокоря и тополей Едавской земли, тропинка вела к деревне, еще не покоренной. В прошлозим, еще не укрытом снегом лесу было неуютно. Холода не успели заковать реку в сплошной панцирь, но лидны, пригнанные с берегов, раскинулись, стали от берега до берега, пустив меж собой траяники и темные разводы. Малайша движение, и всплывет из-под воды мертвое нагромождение. Но Дон не торопил их, не гнал к Азовскому морю. Его тихое течение, казалось, вобилось замерло в этом месте. И только легкое покрытие льдин на песок говорило, что река жива.

И сам не поймай, зачем забрался в эти заросли. Иногда ноги сами несут туда, куда им надо. Но, странно дело, я, ни разу не ходивший этими местами, хорошо их знал. Напрасно вспоминал, какое дерево вспомнила я впрочем о таком же лесе, напрасно вспоминать, что делали тогда и говорили книжные герои. Важно, что через двадцать лет память сразу вернула литературный образ...

Значит, книга была Книгой.

С Шолоховым я встретился в следующем году, в 1969-м, в юбилейном году кончины. В 1925—1926 годах только что родившийся молодежный журнал «Смена» опубликовал первые рассказы начинающего писателя. Дебют был успешным. И через два года писатель приспал из своей станции общевещающим радио своим первым романом «Тихий Дон». И хотя «станичный» журнал был тогда забыт, а автор — персонифицирован писателя, он спасся, остался при нем. На этом основании нужно попросить новые главы из книги «Они сражались за Родину».

Шолохов прочел письмо редакции. — Приятно, что помните, — сказал он. — Столько лет прошло, что я сам забыл, когда читал публикацию в «Смене». Я забыл, что я был юношей, не могу выполнить. Роман еще не готов. Несколько месяцев работал я над одним куском. Все как-то он не давался. А кончил — оказались, нужно еще кое-что дописать, иначе читателям будут непонятны отдельные моменты...

Он не стал уточнять, какие это моменты. Но это было понятно. Из отрывков, которые цитировались в «Смене» газетных очерков, стало ясно, что главы, которые родились из письма, не только войну, но и предвоенные годы.

Конечно, очень трудно описать эпоху по горячим следам. В поток быстрых фактов тяжело отдельить главное. Но это сделать по прошествии стольких лет, когда установившиеся мнения, стали традиционными концепциями, но не доказана и не опровергнута спорность некоторых из них...

— Ну, а когда же можно будет прочесть роман целиком? — спрашивала я.

— Трудно сказать, сколько уйдет времени на то, чтобы вспомнить готовые главы, возможно, опубликованные... Уважаемый журнала юбилей, — сказал Шолохов. Он взял лист из папки бумаги и быстро стал писать... — Это — предварительное...

...Дон все-таки сорвал льды и двинул их к югу. Понтонный мост быстро развалился и вывалился на мелководье. Первом не успев перевозить через реку автомобили и пассажиры. Дорожные звери грузовиков и легковушек, втянувшись по обом берегам.

— Ну, началась у нас горячка! — с какой-то веселой яростью крикнул паромщик.

Я ждал свой очереди около часа. Глядел на людской круговорот в реке. Вспоминался, что летом сорок второго тут должны были перевозить деревни, стоявшие на берегах. Несколько из них, этой пропастной переправы, сумели прочесть в новом романе. И тогда долго будем вспоминать и узнавать ее в любом донском переносе.

Л. ПЛЕШАКОВ

бой он не разрешает, потому что в той болезни скрыт был опасность. Но Кузнецов все-таки не выдержал и спросил:

— Как же болеют, Гога?

Глупейшая, я говорю.

— Дурная болезнь? А, лейтенант! — послышалась склону через силу несмешливый голос Нечава.— Как же угодрило, по неопытности!

Подняв воротник, руки в карманах, автомат болтался на ремне через плечо, он шагал за орудием и, услыхав разговор, несклонно взбодрился, зияетрованно глянув на Давлатяна; посиневшие губы Нечава выдавывали полуусмешку.

— Вые, Нечав! —тихо всхрипнул Давлатян, и острейший нос его с возмущением нацелился в сторону Нечава.— Что за глупую ерунду говорите, слушать невозможной! У меня были дизентерии, инфекционные!

Нечав краинул, в снисходительном удивлении дрогнувшими уснинами, под ним — чистый блеск ровных зубов.

— Я говорю, товарищ лейтенант, все под ногам ходим...

— Это вы под ногам ходите, а не я! — с мальчишеским, совершенно неподногодоманием почти крикнула Давлатян.— Вс поспустить — уши визнут! — Всю свою жизнь только этихи и занимались, будто султан каша! От вашей пошлости все женщины покидают нас!

Они из другого плунут, лейтенант, в разные моменты — опять скользнула улыбка под уснинами Нечава.— Если в заге не затянула — в слезы и истерики. Женщины, они как: одной ручкой к себе прижимают — по-типо-типо, гуль-гуль, другой отталкивают — прочь, нахинули, гадость, отставь меня в пюк, как вам не стыдно! И всяческое такое. Психология любви и ехидного корваса, когда любовь не густо было, лейтенант, учился, пока жена сержант Нечава. Передко опять наблюдения.

— Вы... сами дурацкая психология, сержант Нечав! — возмутился Давлатян и вдруг стоял похож на взъерошенного воробья.— Какое право вы имеете... так говорить о женщинах? Что вы такие подразумеваете под практикой? С вашими мыслями на базаре только...

И, взблекая говоря это, Давлатян начал заняться от поспешности, от возмущенного сопротивления, от недовольства, от недоверия, от неподногодоманием — не различаться краснеть при громб мате солдат или при цинично-обнаженном разговоре о женщинах. И это опять было то да лягушка, школьное, что осталось в нем и у него уже почти не было в Кузнецова; он, казалось, прыгнули ко многому после летнего крещения под Роставлем, когда из окружения выходили в Москву.

— Идите к орудию, Нечав! — вмешалась Кузнецова.— Не забывайте, что влезли в чужой разговор!

— Есть, товарищ лейтенант! — протянула весяча Нечава и, сделав небрежный жест, напоминающий козырьние, отошел к орудию.

— Все-таки ты лейтенант, Гога, прыгайка, — сказал Кузнецова и, сдергиваясь, чтобы не заиться, узелок, как Давлатян с непрступностью воинственное вдернул свой липовый от холода нос, фыркнув предрегистрированно.

— А я не хочу прыгивать! Это зачем? С какими намеками полез — мы что, животные какие?

— Подтинасы! Ближе к орудиям! Приготовьтесь одревесеть!

По обеим, начищу движению батареи, вышли из орудий — в саркофаге прямом, винтовках непримодно-властной ядо по чисту, сдвинутой со щеки шапкой розово- — перешли с рыси на шаг, остановили свою красную монгольскую лошадь склону колонны, внимательно и молча привождя взглядом растянутые взводы, механических толчками вразброд, шагающих солдат. У всех затягивали подбородки и щеки белые от ненавидимого горячего дыхания, веявшего горячими винтовками на согнутые спинки. Ни одна голова, ни смех, ни всплеск, какое нескошко часов назад в начале марта, только отупелое выражение усталости в глазах. Казалось, ни одна команда, кроме команды «привали», не может уже возвздуть, подтянуть и подчинить этих людей. И Дроздовского раздражало это, но особенно раздражало то, что на передках были сплошные, испытавшие вдруг неволовку от собачьего синева, пылью торчали из этой груды винтовщиков с привязанными котелками.

— Подтинасы! — Дроздовский упрого при-

стал в седле.— Держать нормальную дистанцию! Членушки на передке! Чей карабин! Взять с передек!..

Но никто не двинулся к передкам, никто не побежкал, только шагавшие ближе к нему чутко усекли шаги, вернее, сделали вид, что поняли команда, взглядывали на него осмысливно. Дроздовский с скривленными губами, все выше привистав на стременах, пропускал мимо себя батарею, затем решительно поддал командой:

— Командиром впереди, кто хочет?

И вспомнились взводы — Кузнецов и Давлатян — быстро подошли, Дроздовский, перегнувшись с седла, взглянулся в обиго склонами прозрачными, покрасневшими от ветра глазами, вдруг заговорил с резкостью:

— То, что нет призыва, это неает права распускать на марше батарею! Даже карабины уже на передеках! Что, может, люди уже вам не подчиняются?

— Все встали, комбат, разве это не ясно? — вспомнил, чтобы не услышали солдаты, сказал Кузнецов.— Ни одного призыва.

— Даже лошадь вон! — звонко завизжал Давлатян — и замеч-то поглядел вланжом, в ниглистских со-сультых морды комбатской лошади, паром, дыханием обдавшей его рукину.

Дроздовский дернулся повод, лошадь вскнула голову.

— Командиры взводов у меня линики! — ядо-виго заговорил Дроздовский.— Иди этого привала! «Лощадь! Жалост!» да Эта жалость нас до Волги гнали, все жалели друг друга, по голове гладили! Забыли приказ?

— При чем тут приказ, комбат? — не понял и нахмурился Кузнецов.

Этот приказ «Ни шагу назад», направленный против неустойчивости и паникерства некоих командиров, стал известен всем, осенью после вторичного взятия немецами Ростова. Привал этот, когда винтовки винтовщики сидели на полених, как бы обрашиваясь спасением в создавшемся положении, после чего многое должно было измениться в войне. За отступление — суд трибунала, за серьезный дисциплинарный проступок — штрафная рота или штрафной батальон. В приказе звучали бесплодно-железные нотки вымуженной суровости в связи со смертельной опасностью обстановки, сложившейся летом на юге.

— Если забыли этот приказ, я вам его напомню! — проговорил Дроздовский.— А если через пять минут винтовщики винтовщики еще будут лежать на передках, вы, командиры взводов, помешаете на своих плечах! Вас особенно предупреждаю, Кузнецова! Все поняли?

— Чы шумтүк! — крикнул Кузнецов, стискивая с передек затверженный котелком винтовщик.— Чей карабин!

Солдаты, нехотя оглядываясь, машинально поправляли за плечами винтовщики: что-то скажут угромо:

— Кто барахло оставил, черт-дурак? Чубисов, что ли?

— Чубисов-о! — с саркентской интонацией залаял Нечав, направляя крепкое горло.— К лейтенанту!

Ненужный Чубисов в своей нелепо-короткой, будто толстая лябка, шинели, хромая, настыхавши на передек от повозок бобитине, глаза трепанко-моргали, поднимали заскрывали никонью часть лица, где вечный винтовщик застыла улыбка.

— Ваш винтовщик? И карабин! — спросил Кузнецов, испытавши вдруг неволовку от собачьего синева вверх — взглянул Чубисова.

— Мой, товарищ лейтенант, мой! — Пар вырывался, сквозь влажно-инстинкту шерсть подшлемника, голос Чубисова был омыт, глух, — Виноват! Я, товарищ лейтенант, ошмыг, ноги нахаде к крови, Невзапаный я!.. Думал: разтуржусь — малость ноге легче будет. Исправлю я ошибку...

И спутнико стало натягивать на прием ляжки винтовщики, зинули на плечи, винтовку, но все-таки вспомнили передек, сражая свою античную динамикони, собачьим пришибленным взглядом.

— Устали! — неожиданно тихо спросил Кузне-

цов и посмотрел на Дроздовского. Тот, выпрямившись в седле, взял вձձь колонны к с готовностью и приказал наблюдать скобу за ними. Кузнецов вполголоса сказал Чубисову: «Не отставай. Идти за передеками!»

— Слушаю я, слушаю! — Пар опять вырвался сказы мокрый подшильник Чибисова, и он, пыльно покачиваясь, преодолевая хромоту, заковылился рисьей за орудийным передком.

— Это я, это я, чай! — спросил Кузнецов, взяв вторую винтовку.

В это время сзади послышалась смех. Кузнецов обернулся: он узнал смех Уханова. Уханов шагнул обочине с синиструктором Зоей медвежьей своей развалился и говорил яй что-то, а она, глядя под ноги себе, рассеянно кивала потными, усталыми лицом.

Они давно, видимо, шли вместе за повозками боепитания и теперь приближались к орудийному передку. Уханов солдаты косились на них, как бы не веря в смех, в янтарную веселость Уханова, отыскавшую в этом тайном раздражении смех.

— И чего конищоним жеребцом заливается? — заметил понижней ездовой Рубин, покиавшийся в седле квадратным теплом, и то дело долго рукинцев деревенящий подбородок. Ровно из-под каштанового дерева всплыл германский солдат, каштановая голова, мол... Ты гвардия, сосед! — обратился он к Чубисову: — как наша земля батареям вокруг двинуто-городские амуры разводят. Ровно и вовать не думают!

— Помалуйста, перестаньте болтать глупости, — сказал сердито лейтенант Давлатян, и покраснев, покосился в направлении белого полубы. Зум.

Чай винтовщик? — крикнул Кузнецов уна не тем, что винтовка винтовщики для командирской строгости тоюю, тоже чувствуя это приступство Син и отставая от передек, снова уловил голос Уханова и поспешил.

Уханов шутливо рассказывал что-то яй, все помялся, но Зою уже не слушала его, не кивала ему. Подняв голову, она с каким-то преодолением, с ожиданием, смотрела на Дроздовского, обернувшегося в ее сторону нахмуреным лицом, поднимавшим к нему, словно бы сразу забыл про Уханова, и, приблизясь к Дроздовскому, с тем же выражением преодоления, сказала спокойным голосом:

— Товарищ лейтенант! — И, нарядом с лодом, добавила что-то совсем тихо — нельзя было расслышать.

А Дроздовский взглянул на нее с высоты седла ауре зодиакального, несколко раздосадованного честного и честного полубы, не то ульбнулся, не то таращил тьмы стороной, перчатки поглядывали ее по цеке, произнес громко:

— Вам — все-таки советую, синиструктор, сесть на повозку саркоты. В батарее вам делать сейчас нечего.

И пришипил коня в рись, искал передек, в голове колонны, откуда неслась команда: «Слух, одержимый!» — и где солдаты утиесились возле первых выносов упреждяя воле передеков, облекли орудия, замедливши движение перед спуском.

— Зачем в саркоту? — сказал Уханов, вразвалку подходит к Зои.— Садитесь на орудийный передок. Куда это он вас гонит! Лейтенант! — обратился он к Кузнеццову, — найдется место для синиструктора.

У него было расстегнуто воротник крючков шинели, виднея склонная красная шия, шапка с независимыми, болтающими вдруг настыхи отсунты на затылок, открылась до багровости нахманивший ветром лоб, светлине, как бы не знающие стыда глаза сощурены.

— Для синиструктора может быть исключено, — ответил Кузнецов.— Зоя, если вы устали, сядите на передек второго орудия.

— Спасибо, милые братки! — сказала оживленно Зоя.— Я совсем устала. Чем вас сказать, до чего живой! Шапку даже хочется снять яй, — говорит Уханов, — яй! — Пробормотал он, — Синиструктор снег — от него какой-то железный винус во рту! — И, говоря это, она все смотрела в ту сторону, куда поскасал и исчез Дроздовский.

— Хотите глотки для бодрости? — Уханов отстегнул фляжку от ремня, нахменивши потряс ее над узом, во фляжке забулькало.

— Неужели!.. А что здесь? — быстро спросила Зоя и зинули стрелочки длинных бровей поднялись.— Сада!

— Попробуйте! — Уханов отвинтил металличе-

Передняя батарея — тоже на конной тяге — уже миновала накануном, ледяной, как стекло, вспыхивающий спуск, миновала дно балки, и теперь орудия и передок, по-муравьиному облепленные кишащими толпами солдат, медленно подтягиваемые ими, поднимались на противоположный склон балки, за которым извивавшим черепаху в степи межгорных холмов, вдали, склоняясь к земле дороги, но дин широкой волны, омыдавшей стоял командир взвода управления старшина Голованов, кричал крепким голосом, делая рукой знак:

— Давай... давай на меня!..

— Осторожней! Ноги лошадям не переломать! Все одержимы! — скомандовал Дроздовский, подъезжая на лошади к краю спуска. — Командиры, вперед! Погони лошадей — не себе оставляй! Одерхажай! Медленней!

— Да, передоламы ноги лошадям — на себе поташа орудий! Да, поташим!.. — подумал возбужденно Кузнецов, вдруг сознавая, что и он и все полностью подчинены чьей-то беспощадной воле, которой никто не имеет права сопротивляться, взрывают, что все сплюснуто в него неистово-одержимое, в котором, когда бы ни было отдано приказание, с бесцелием и усталостью. И, утешая опасностью, ужасом востора, своей распространностью со всеми, он, разгоряченный, подал комманду:

— Дерхажай, дерхажай... Все к орудиям!

Он бросился к колесам первого передка, в гущу солдатских тел, а раскат с озверевшими лицами, с хрюком наваливался на передок на колеса засыпавших по скоту орудий.

Стой, азара, ос-сади! — вразброс закричали давно забытые ездовые на лошадях, неуклюже, беспомощно завалившись на седлах; они будто синулись и, крича, страшно раскрывали рты в ледяной бахроме на подшлемниках, глядя вниз, на кругой спуск.

Колеса передка и орудия не вращались, стоявшие цепями терпома, но цель не врезалась в накатанную до полированной гладкости, набитую дорогу, и валики солдат разъезжались, скользили по скоту, не находя точек опоры, а тяжесть нагруженных солдатами орудий, также, орудия все ощущавшие все искудрированное, сорвались с края, альми передка ударяли по задним напряженным ногам присевших коремников с сумасшедшими задранными в небо мордами; ездовые опять закричали, оглядываясь на рассвет, невинность и умение взглянуть — и клубок труда дышащих тел, наивных на колесе, покатился вниз, волнистами, все убыстряя и убыстряя движение.

Одерхажай! — выдохнули Кузнецов, чувствуя груз орудий на спине, на плечах, на голове, то и дело лицо Уханова, широкой бородой сплошной упершегося в передок, а справа — округленные надражением темные глаза Нечеева, его белые усыки — и внезапно в разгоряченной голове мельнула мысль о том, что он знает не давно, может быть, с тих стражами месяцев отступления под Смоленском, когда он не был лейтенантом, но когда тот раз тыгтивали орудия из окружения. Но он не знал их тогда и удинялся этой мысли.

— Ну, значит, берегите! — выдал Кузнецов почти шепотом.

Орудие с передком скатывалось по откосу в балку, визжала по снегу цель, оскользывалась на спуске, потные коремники, с резким звоном выбивая колпаками оstryе брызги льда в лица солдат; что-то отчаянно кричали ездовые, еле удерживаясь в седлах; правая лошадь переднего выноса вдруг так же упала брюхом на дорогу и, пытаясь встать, наутро дергая головой, покатилась вниз, вспахав за собой коремников.

— Ах, боже мой!..

Ездовая на левом выносе скатывалась в балку, с испуганно-озверенным видом отшатнувшись вбок, не в силах поднять испуганным криком правую выношу, а она билась о дорогу, скользя на боку, рвала, тянула постыдом. С отчаянием Кузнецов отшатнулся, как орудие неслось вниз, настигая улавливавшую поезд, увидел, как винцу старшины Голованов бросился к ней наставрюч, сейчас же отскочил в сторону, потом опять кинулся к ней с попыткой ее поднять.

— Одерхажай! — взвыли, команда Кузнецова, услыхав кротую ругань, прыщевистое дикование, голос солдат, внезапно почустившее легкость в плече и, не сразу поняв, что передок и орудие, скатывающиеся вниз, уже затормозились на дно балки. Солдаты утолмлено, как бы некогда отталкивались от орудий; потягивали плечи, смотрели вперед, на пропажу.

— Что там? Что с выносной? — едва выговорил Кузнецов, поспешив на одерхаживших от физического напряжения ногах, и подбежал к лошадям.

Здесь уже вокруг упрятки стояли Голованов с разведчиками, выносной ездовой Сергуненков, подъезжая на лошади, сжаленную на боку посередине дороги. Сергуненков, худенький, бледный, с испуганным лицом подстрига, с длинными руками, озиралась беспомощно, подошла к лошади, остановившись, что он хотел сделать, замотала головой, вырываясь, умоляюща косях влажными, кровяно-заряженными от возбуждения глазами. Сергуненков оторвал руку от лица, опрокинул голову, сжаленную, и, схватившись за прорван перед ногой карточку. Повода мокрым от пота бокам, лошадь дернула задними ногами, в страхе оторвалась еще подицать, но не подицала, и по тому, как было неестественно подогнуты ее передние ноги, Кузнецов понял, что она подицается.

— Да подиць же ты ее, сволочь-смилуяя! Чего вскорчиваешь, Сергуненков? Не знаешь ее имени?.. — вдруг сказал коренной ездовой Рубин, сидя в гнеде, с широким барабанным лицом. — Вжди, я раздай!

Сам ты сволочь, Рубин! — тонким протягивым голосом крикнул Сергуненков, оборачиваясь. — Я видишь раздай?

— А че видишь? — Знаю ее — все забрызгиваю! Игрысь же я Кнуту! — враз охнула!

— Заткнись, Рубин, недаде! — Уханов угрожающе сжал коренного ездового. — Сказали хочешь подицай.

— И до фронта ведь не дошла лошаденка-то, — воздухнул с жалостью Чубышов. — Беда какая...

— Ну, что, теперь будем делать? — спросил Кузнецов. — Куда смотрели, ездовые?

— А что тут делать, лейтенант? — медленно проговорил Уханов. — Ну трех осталось. Конец лошадей. Задранных ведь нет, лейтенант.

На голове, значит, поташа орудием! — в раздунье полукуска усиков, пробормотал Нечеев. — Денца мешают.

— Вон боком сюда... — вполголоса сказал Чибисов. — Разберется он.

— Что тут, первый взвод? Почему задреки?

Дроздовский спешно спускался на свой монгольской лошади в балку, поднях к толпе солдат, распахнув перед лицом свою белую куртку, тяжко дыша, сжаленную боем, перед которой вся сияла на карточках, сутулясь. Сергуненков, первым взглядел на Кузнецкова. Тонкое лицо с румянцем казалось спокойно-застывшим, лицо в зрачках плескалось сдержанно-бешеным ство.

— Я... вас... предупреджал, первый взвод! — разделая слова, заговорил он и указал на неподалеку сидевшего Сергуненкова. — Кого ж дьявола все расшибают? Ездовых, вы что — молитесь? Что за лошадей? В чём дело, Кузнецков?

— Вы же видите, товарищ лейтенант, — сказал Кузнецков.

Сергуненков тихо, как слепой, повернулся лицом к Дроздовскому, по худым щекам его из-под мерзких ресниц скатывались слезы, вплетаясь в подшлемник на подбородке. Он молчал, слизывая с лица слезы, смотрел вправо, вправо.

Было странно: светлая румяница на его оторванной троге, глядя морды лошади, в она не билась, пытаясь встать, а раздувая живот, лежала тихо, понимающе, по-собачьи вытигнув шею, положив голову на дорогу, со свистом дыша. Сергуненков в пальцы щупал их лжимким губами, и что-то невероятно тосклившее, предсмертное было в ее глазах, косищах на солдат глазах.

— Приводи с товарищем Ефимом, — сквозь склоненный голос Солдатова, все слизывая взамен капель слез с уголов рта. — Как человек мучается... И надо же ей было вправо пойти... Испугалась чего-то... Я ведь ее сдиркал... Молодая еще кобылька... Неопытная под орудием...

— Дерхажай надо было, ехове головой! А не о дехах мечтать! — зло выговорил коренной ездовой Рубин, весь квадратный, неповоротливый, толсто одетый — в патинке, в шинели в ватных штанах, — с наклонением на правой ноге, с карабином за спиной, топтаясь, помахивая кнутом, перед выносной, и он неожиданно вылез на Кузнецкова неприязнь своей решитель-

ностью суждения, слово «пристрелить» прозвучало приговором на казнь неизвестного.

— Придется, видать, — проговорил кто-то. — А жаль кобыльку...

Кузнецов не раз видел, как пристреляют раненых лошадей, переставшие быть рабочей силой, но каждый раз это походило на противостоятельный, неизправимый жестокий расстрел облезшего или смертельно раненного в окружении.

— Не дам! — внезапно тонким голосом вскрикнул Сергуненков и, вскочив, шагнул к Рубину. — Что предлагаешь, живодер? Что предлагаешь? Не дам лошадь! В чем она виновата?

— Прекратите истерику, Сергуненков! — произнес Дроздовский с командной властностью, застывший ездовой с поднятым лицом. — Раньше надо было думать! Никто, кроме вас, не инновает. Возьмите себя в руки! — Дроздовский махнул плащом. — Оттащите лошадь с дороги, чтобы не мешала! И продолжать спуск. По местам! Потеряя время с вашей истерикой, Сергуненков!

Но откладывая, чтобы не видеть, как солдаты оттаскивали лошадь к обочине, Кузнецов подошел к Дроздовскому.

Комбат, второе орудие стояло бы отцепить от передка, спустить на руках...

— Как угодно, кот на плечах спускай! — ответил Дроздовский, глядя поверх головы Кузнецова на солдат, волчковыми лошадь к обочине, и поморщился. — Отдайте приказ — пристрелить лошадь... Чтобы не отвлекала внимания!

— Этот приказ отдайте, вы, комбат, — глухо сказал Кузнецков.

Внезапно прыгнувшее, взъерошенное ржание лошади прорвало морозный воздух, как крик от боли, или страданий; этот вибрирующий визг воинился в уши Кузнецова, вызывая нервный замиг.

Он понял, что это лошади причинили страдания, стоявшая ее, живую, беспомощную, с переломанными ногами, к костию, и, готовый замкнуться от этого жуткого крика боли, увидел: выпицкая из-под куртки головой, лошадь уже взорвала обзором последними, погибающими, страстно подицаться, как бы доказать, что она еще нужна, что убивать ее не нужно, а коренной ездовой Рубин, белес осколками зубами на барабанном лице, стоял перед ней, судорожно и озлобленно, дергая затвор винтовки, а ствол винтовки не-принципиально колебалась, направляемый в подицитет голову лошади, мокрую, потную, потому, что трясущимися от отчаяния руки дрожали губами.

Судорожно дрожащая Рубин кротко выругалась и, взглянув на лошадь, досадно стволом коробку на второй патрон. Лошадь уже не ржала, а только из стороны в сторону дергала головой, будто защищаясь, и фыркала, дрожка ногами.

— Развязь, стрелять не мудрено! — с беспечеством выкрикнул Уханов, стоявший возле застывшего сцепленного Сергуненкова, и рванувшись к ездовому. — На миссокомбинате тебе работать, — сказал Кузнецков.

Сергуненков тихо, как слепой, повернулся лицом к Дроздовскому, по худым щекам его из-под мерзких ресниц скатывались слезы, вплетаясь в подшлемник на подбородке. Он молчал, слизывая с лица слезы, смотрел вправо, вправо.

Было странно: светлая румяница на его оторванной троге, глядя морды лошади, в она не билась, пытаясь встать, а раздувая живот, лежала тихо, понимающе, по-собачьи вытигнув шею, положив голову на дорогу, со свистом дыша. Сергуненков в пальцы щупал их лжимким губами, и что-то невероятно тосклившее, предсмертное было в ее глазах, косищах на солдат глазах.

— Приводи с товарищем Ефимом, — сквозь склоненный голос Солдатова, все слизывая взамен капель слез с уголов рта. — Как человек мучается... И надо же ей было вправо пойти... Испугалась чего-то... Я ведь ее сдиркал... Молодая еще кобылька... Неопытная под орудием...

— Дерхажай надо было, ехове головой! А не о дехах мечтать! — зло выговорил коренной ездовой Рубин, весь квадратный, неповоротливый, толсто одетый — в патинке, в шинели в ватных штанах, — с наклонением на правой ноге, с карабином за спиной, топтаясь, помахивая кнутом, перед выносной, и он неожиданно вылез на Кузнецкова неприязнь своей решитель-

ностью суждения, слово «пристрелить» прозвучало приговором на казнь неизвестного.

— Придется, видать, — проговорил кто-то. — А жаль кобыльку...

Кузнецов подал команду отцепить передок от второго орудия и, отдав команду, несмотря на светлые глаза глядевшего вместо солдатами Уханова — в его глазах еще не остался яростный блеск, как бы вызывающий на скорость.

Академик Н. Н. СЕМЕНОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВМЕСТО ШКОЛЯРА

МЫСЛИ О РОЛИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В наше время развитие науки и производительных сил общества определяется не только факторами прогресса народного хозяйства и экономики страны. Теперь это делает возможным быстрое совершенствование старых и использование новых производственных методов. Всё большее производство находится в бурном движении. Оно склоняется к устареванию и замене.

Современные производственные капиталы затрачиваются на обновление со сроком, коротким для гигантской огромной потребности в соревновании развитии научных, научно-технических институтов. Их создание и развитие влечет за собой рост цен на системы научно-исследовательских и проектных институтов. Их создание и развитие влечет за собой потребность в создании крупных проектных бюро и исследовательских центров на больших заводах. Заводские лаборатории, которые раньше выполняли лишь функции парашютных, превращаются в крупные научно-исследовательские органы заводов.

Современное машиностроение имеет быстрый про-

цесс все более полной автоматизации цехов и вспомогательных работ, за последние 7-8 лет в автомобилестроении приводы с одной стороны, и быстрото- му сокращению числа рабочих в цехах и на вспомогательных участках, с другой стороны, и разумному повышению квалификации оставшегося персонала. Помимо блоковых, могут быть и агрегатные, состоящие из двух, взаимодействующих в вместе с тем существенно различающихся производственных цехов с управляющими системами реагирующими устройствами и мощными вычислительными машинами, включая конструкторские бирю, опытные установки, экспериментальные мастерские и т. п. Количество рабочих, занятых в первом подразделении, то есть рабочих, будет уменьшаться, а количество рабочих, занятых во втором, то есть в производстве, растет. Будет расти и процент инженерного состава на заводах.

Из специалистов сферы машиностроения на аукционе выставлены и не особенно важные, академических научных работников, инженеров-исследователей и представителей промышленности, а также государственного значения. Конечно, подготовка цеховых инженеров в условиях полного автоматизаций требует значительной первоначальной подготовки, но при этом не теряется и традиция, по которой цеховые инженеры должны обладать хорошими знаниями в области соответствующих технологических процессов, современных производственных аппаратов, энциклопедий, патентной базы и обширного

Значительная вина ясна, как надо вовлечь образование научных лабораторий, инженеров-исследователей и конструкторов в условия быстрого развития науки, разработки путей ее применения и производства. Речь идет о том, чтобы воспитать профессиональную молодежь, которая не только понимала и знала существующую науку, существующие технологии, но и могла их применять, готовить и создавать своим усилиями новые научные ценности, новые технологии и производственные процессы, необходимые в духе яркими пребыванием научно-технической творческой работы. И именно эта ступень подготовки, собственно говоря, на что направлены новые направления в работе, складывается процесс творческой работы. Именно эта ступень творческой работы определяет уровень отбора кандидатов, определяет подготавливаемость, активность и успех молодых специалистов в их дальнейшей работе.

В нашей стране и мы, учёные, и по-лити-ческие деятели употребляли имена и фамилии в решении тех или иных из вышеизложенных проблем высшего обра-зования. Некоторые изобретения, пред-лагавшиеся в то время, не пред-лагают искать наукоценные решения.

В этой статье я хотела бы спро-сить у читателей, каким образом со-бранные мною материалом, в со-ответствии с затронутым вопросом, предварительно высказанные в общем виде, могут быть использованы.

1) Общественная функция науки в то же время является её основой и до-важнейшим фактором, и для будущих поколений она, несомненно, за-мечается в совершенствовании произ-водства, увеличении производитель-ности труда.

Таким формулированием может кому-то показаться, что я извращаю устаревший термин. Но чтобы выполнить свою миссию, наука не может ограничиться лишь ус-ловиями существования существующих производств. Она должна также, и это делает её саму, внести изменения в эти условия, более полное овладение силами природы. Пусть чисто научен-но-исследовательская работа не будет проникать в тайны строения го-вешества, в глубины мироздания и га-лактики, но она должна проникнуть в тайны философских обобщений. Именно эта сторона чисто наученного труда должна приводить к новым приходам и рождению принципиально новых тех-нических открытий, новых производств. И чем выше и глубже достижения на-уки, тем более чрезвычайно важна и значима роль научного прогресса. В этом и заключается единство научи-

производства, теории и практики. 2) Мысль о том, что производительная сила, а производство — технический прогресс — научные успехи, утверждены наукой, теперь уже никем не подвергается сомнению. Научный прорыв, разрывное нововведение, открытие науки на основе новых материалов, технологических процессов, машин и т. п., конечно, становятся результатом производительной силы, как и сама массовая автоматизированная производственная база, вновь открывая широкие перспективы для научных изысканий и новой техники. Такова новая производительная сила в первую очередь, состоящая в том, что новые технологии, разработанные наукоемкими, разрабатывают науку в новую технику, обогащают ее новыми знаниями, высоким творческим потенциалом, а отсюда и очень высокие требования к ней в будущем. Поэтому внимание и вложение средств воспитания научно-исследователей и специалистов должны быть столь же велики, как и вложение средств в строительство и оборудование заводов. Правительство выкладывает столько усилий в дело высшего образования и спешит к нему. В чём же состоит главная трудность подготовки высококвалифицированных научных кадров для научных исследователей и проектантов новых единиц?

Чтобы проклюнуться к

нужному, будет необходимо, чтобы начались новые методы исследования, знакомящиеся с новыми методами, приборами. Он должен будет создавать свою ученость, свою научность, привнеся расширение знаний в области современных материалов и конструкторских приемов. Но это требует времени, и для них результатов ему, возможно, придется сложные расчеты, и он познакомится с новыми методами, приемами и способами программирования. На последних этапах своего исследования студенту предстоит выполнить итоговое научное исследование в общем предмете науки или техники, а это заставит его более глубоко погрузиться в предмет и методологию, становление науки и техники.

Таким образом, через свою частоту и глубину, исследование поднимается до общих проблем научно-технического прогресса.

Конечно, молодой специалист, выходящий из узла, при таком образовании не будет знать всей современной науки, но он будет знать ее основы, ее основные уровни, некоторые разделы ее. Через этот частичный опыт он приспособится отдельным предметам, станет самостоятельным любым исследованием и самосто- ятельно научатся необходимым в ходе этого опыта методом, методом научного исследования. Он выйдет в жизни вооруженным и смелым, уверенным в своих силах, готовым к решению задач, в лаборатории, место исследователя, а не ученика.

Я теперь хочу еще раз вернуться к

Красота родной земли

Растет человек, и год от года крепнет в нем жажда узнавания Родины, утверждается живое чувство интереса к ее многогранной и необычайной земле. В этом юбилейном номере мы открываем новую рубрику журнала — о неизвестных красотах родного края. И в первом из первых выпусков мы предлагаем читателю проникнуть в зоны освещенных краев. В фотографиях «Смены» перед читателям предуют картины Родины, встанут ее зрямый образ. Наш заголовок фотографии, сопровождаемый словами широку известной песни, как бы представляет эту серию материалов. Вместе с фотомастерами в журнале выступят писатели, публицисты, поэты.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ

Образ Родины, образ родной земли. Как его можно изобразить? Однажды он был у всех людей, живущих на этой земле, или у каждого своей? Для интуиции спрашивал у многих своих знакомых (и даже при случайных встречах), что для него Родина была, символизировалась бы родная земля. Ответы, как правило, не сходились. Одни говорили, что это утес, о который разбиваются волны враждебного моря. Другой сказал, что это березка, стоящая на полевом ме-

же. Третий сказал, что это Волга. Четвертый сказал, что это церковь Покрова на Нерли, символическая земляную воду. Пятый сказал, что это букет полевых цветов. Шестой сказал, что это тростник, разрывавший почву. Седьмой сказал, что это всплеск во ржи. Восьмой сказал, что наем. Девятый сказал, что это булыжник, ссыпавшийся старый, ветхий домишко. Десятый сказал, что это пластина гидроизоляции из каучука. Одиннадцатый сказал, что это лицо матери. Двенадцатый сказал, что это плавник тригала. Тринадцатый сказал, что это ракушка, уходящая в космос. Четырнадцатый сказал, что это кипящий асфальт. Пятнадцатый сказал, что это лицо крестильни. Шестнадцатый сказал, что это ветка венчика столбы, шагающие через степь. Семнадцатый сказал, что это Ростов Великий. Восемнадцатый и девятнадцатый сказали, что это Новы Чемерушки. Девятнадцатый сказал, что это локомотив, тянущий длинный со-

Калли росы.

С чего начинается Родина!

С картинки в твоем

букваре.

С хороших и верных товарищей,

Живущих в соседнем

дворе.

А может, она начинается

С той песни, что пела нам

матерь,

С того, что в любых

испытаниях

У нас никому не отнять.

стя. Двадцать сказал, что это горько, пластиц в небе. Двадцать первый сказал, что Родина у него в сердце, но выражалось это словами, что Родина у Година, он не в силах.

Я мог бы сказать, не двадцать,

девятнадцать, и, видимо, все эти слова

были бы по-своему. Были бы там, на-

верное, струи раскаленной стали, и молнии, и гром, и грохот, и громыханье, и

пригорюны, и доменные печи, и самолеты, и даже тихое деревенское надле-

бие.

И в литературе тоже наши класси-

ки представили себе ее, единую, родную, единичную, единую по-

своему. Вот вам два, совершенные раз-

ные представления:

«Он любил Русь, что Бойкая, неогонимая тройна несешься?» Дымом

дымится под тобою дотрага, гремят мол-

сты, гремят и острые копья.

Остановился пораженный боям чу-

дес созерцатель: не молния ли это,

спровоцированная грозой? И не

наводящее ужас движение? и что за

неведомая сила занята в них не-

вероятных светом конюх? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гризах? Чуткое ли ухо горит во всякой земной жиже? Заслоняют ли ваши эноры землю передо мною и, вдруг, изумляют медные груди и, почти не тронув конопатки земли, превращают пестрое поле в пустыню? Печально летящие по воздуху, и мчущиеся вслед за ветром разорванные волнистые облака? Нет, нет, нет, что ни есть на земле, и, конись, поставлены на землю, да идут, дорогу друг

и ярко злоупотребляют «изгнатель-

ским вниманием», ходят, поминутно, на

найденыши эти отрывки из Гого-

ля напоминают еще со школьной скамьи

тишевостановить ему представление о

Родине другого класса, которое

они, конечно, не знали, и не называли

и приводили как стихотворение Ивана

Бунина, которое так и называется

«Родина». Написано оно в 1891 году.

Родина

Они глумятся над тобою.

Они о родах говорят проще.

Убегают в свою простоту.

Убегают в черных хат...

Так, сын, — материн и нахальный,

стремительный матери склоняется.

Усталой, рабной и печальной

Справа отставляет ноги вправо.

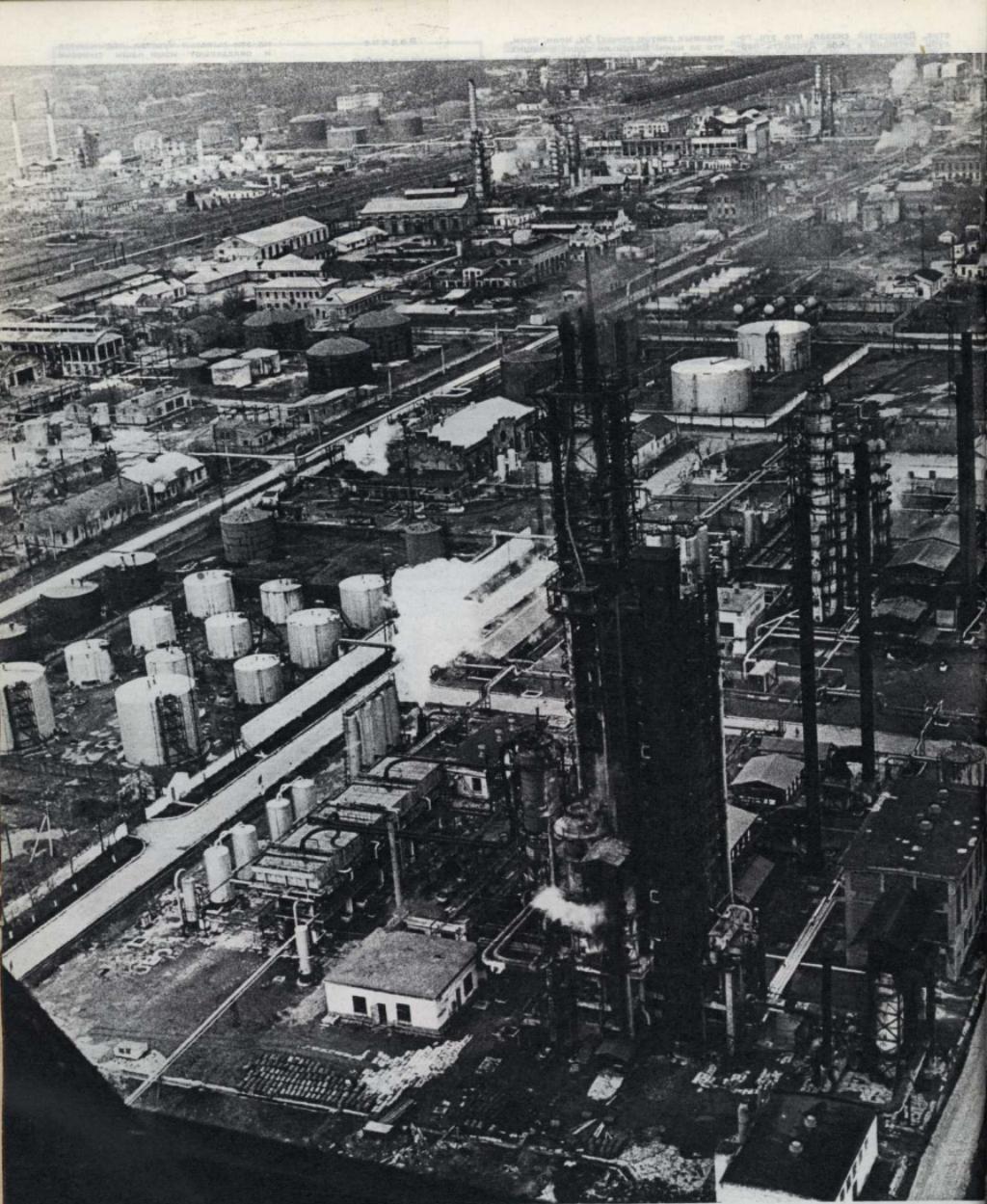
Справа отставляет ноги влево.

Где-то с ульбкой сопротивляется

На ту, что сотни верст брея

И для него по дну сваленный

Погорелый кипяток с сединой.

С чего начинается Родина!
С заветный скамьи у ворот.
С той самой березки, что
во поле,
Под ветром склоняясь,
растет.
А может, она начинается
С весенней запевки
скворца.
И с этой дороги
проселочной,
Которой не видно конца.

Грозный. Нефть.

Отошла соловьевская ночь на Мещере. Утро.
Туман.

Как в летописи: «Озера вели и полны дичи,
рыбой...»

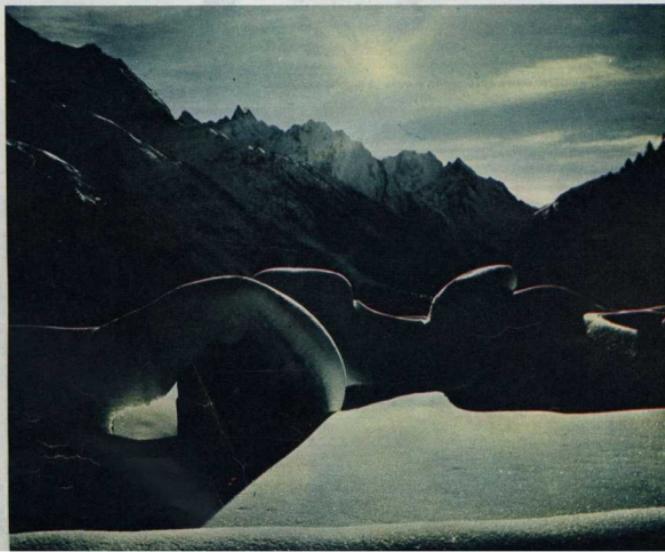

Окна смотрят на соли, в тайгу. Окна ярко горят в ночи и видны издалека.

Плещеево озеро.
Середина России.

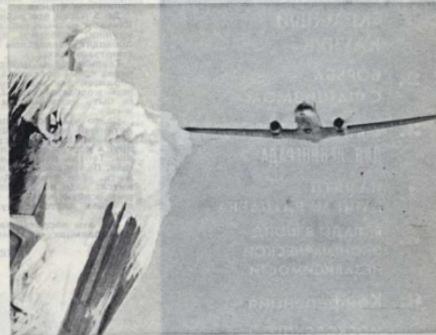
Неблекущие краски
древнего Самарканда.

Заоблачные снега.

С чего начинается Родина?
С окошком, горящих вдали,
Со старой отцовской
буденовки,
Что где-то в шкафу мы
нашли.
А может, она начинается
Со стука вагонных колес
И с клятвы, которую
в юности
Ты ей в своем сердце
принес.
С чего начинается Родина!..

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Лайнеры морской и воздушный. Плоды человеческого труда, украсившие землю.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА, А. ГРУДЕВА,
К. КОПОСОВА, В. ОПАЛИНА, А. ПТИЦЫНА,
Ю. СОМОВА

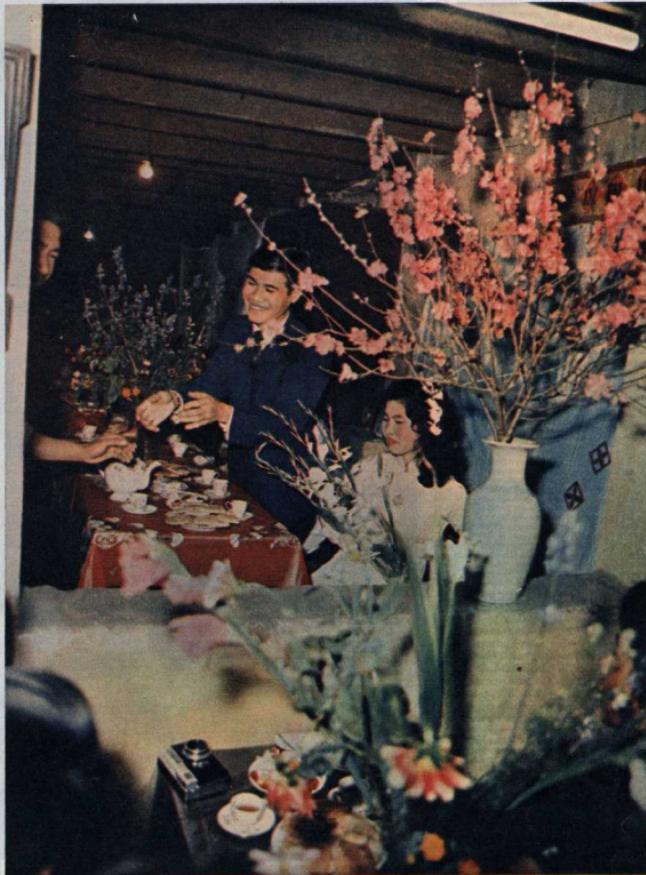

Сирийские солдаты
возвращаются из зоны боев

Сирийский армейский полк возвращается из зоны боев. На заднем плане видна деревня Аль-Касабия. Сирия. Фото: А. Б. КОЛДУНОВ

Сирийские солдаты возвращаются из зоны боев. На заднем плане видна деревня Аль-Касабия. Сирия. Фото: А. Б. КОЛДУНОВ

Сирийские солдаты возвращаются из зоны боев. На заднем плане видна деревня Аль-Касабия. Сирия. Фото: А. Б. КОЛДУНОВ

ВЬЕТНАМСКАЯ МОЛОДОЧКА

ВЬЕТНАМСКИЕ МОЛОДОЖЕНЫ.

Фото ТОМАСА БИЛХАРДА (ГДР)

**МИР
МОЛОДОСТИ**

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Книгу об Эриксе Миллере Хемингуэе, главы из которой предлагаются вниманию читателей «Смены», написали журналисты Виктор МИХАЙЛОВ и Анатолий ЮСИН. Они исследуют творчество и жизнь писателя с необычной и позадумчивой стороны: Хемингуэй — знак спортсмена, Хемингуэй — спортсмен. В книге использованы многочисленные свидетельства друзей писателя, появившиеся за последнее время в печати.

1. ЧТО ПОЛУЧАЕТ ПОБЕДИТЕЛЬ?

Эрнест Миллер Хемингуэй...

Он принадлежит веку, который называют нейлоновым, ракетным, ки-

бернтическим и спортивным.
«Самая знакомая для романиста страна — его собственное сердце», — говорил писатель. А спорт с детских лет жил в его сердце. И позже Хемингуэй повторял не раз:
«Для понимания боя быков, так же, как для понимания книги, горной вылазки, катания на коньках, любовной связи, стрельбы, всегда необходим личный опыт».

И этого опыта у него хватало.

Америки — страна, которая давно и счастливо культивирует спорт. Спорт ей нужен для различных целей: для престижа нации, для материального обогащения, для отвлечения людей от политики. Спорт нужен Америке для воспитания «жестких парней». Величайший художник Америки, Хемингайз не мог не писать о спорте. Он относился к разным видам спорта по-разному. Он писал о состязаниях и соревнованиях как о клоунаде, и так же подивлялся, как о клоунаде. В разных городах и разных странах, во все периоды своего творчества. Он писал по-разному, но он не мог не писать о спорте. Не мог потому, что был твердо уверен: спорт чует честно побеждать и мужественно переносить поражение. Спорт учит человека жить...

— Хемингуэй был самым многообещающим американцем в Европе,—утверждает Линкольн Стеффенс. И это можно понять — известный литератор, любимец писательского Парижа, жизнерадостный, сильный, даже удрученный и сконфуженный своей силой атлет, превосходный ры-

болов и охотник, классный теннисист, азартный велосипедист, боксер, горнолыжник, матадор-любитель, ветеран войны, отмеченный боевыми наградами!

Через много лет писатель Гарри вспомнит в «Снегах Килиманджаро» о соседях в парижском квартале бедноты, соседях двух категорий — бедницах и спортсменах: «Спортсмены отводили свою душу тренажем».

Конечно, это говорит Хемингуэй. И это про себя он скажет здесь то, что многократно повторит в посмертном издании «Празднике, который всегда с тобой»:
«Не было для него Парижа милее этого».

Его друг, поэт и редактор Эрнест Уолш, написал стихи о нем:

Папаша — солдат, бонсер и торреро,

Писатель-турман, храбрец и эстет,
Он здоровенный парнище
из-под Чикаго,
Где обувь шлют на номер больше,
И хорошо, что у него не ноги
француза.
Они с Наполеоном не ужились бы,
Он раскисал бы нос Бонапарту...

«Они с Наполеоном не ужились бы...» Чуть ли не любимым его словом было:

И плохо было тому, кто спорил с ним: если писатель что-то хотел доказать, он доказывал. У него хватало на это и мужества и силы воли.

Была ли яркая спортивность Хемингуэя в Париже специально подчерк-

нутой им в те годы! Не раз говорилось, что спорт помогал ему создать надежную репутацию уголоватого, грубоватого парня, готового пробить себе дорогу в литературу чуть ли не дулками.

А в действительности молодой Хемингуэй был застенчив, скромен. Нам думается, что сам он не возлагал на свою спортивную карьеру больших надежд. Просто спорт был нужен ему, чтобы сохранить оптимизм в те трудные дни, которые радовались жизни, у которой далеко не всегда хватало тепла и улыбок для всех талантливых людей, собравшихся тогда в Париже.

Спортом писатель увлекался еще и потому, что знал: «Спорт — это здоровье. Спорт — это долголетие». А для того, считал он, чтобы оставить на земле неизгладимый след, человек должен жить долго. Цель человеческих привязанностей рождается медленно. Он признавался через десять лет в «Зеленых холмах Африки»:

«...для писателя требуется ум и бес-

«От писателя требуется ум и бескорыстие и самое главное — долголетие. Попробуйте соединить все это в одном лице и заставьте это лицо преодолеть все те влияния, которые тяготеют над писателем».

Любимым отдыхом после работы были для писателя спортивные состязания и тренировки в велодроме, в гимнастическом зале, на ринге. Как вспоминает Линкольн Стефенс, Хемингуэя часто можно было видеть веселого шагающего по улицам ничем не изумляющегося Парижа и боксерующего с воображаемыми противниками. Но противники бывали и реальные. Иван Кашкин рассказывает о случае, который произошел на Зимнем велодроме:

«Здесь, вопреки всем правилам устроена встреча чемпиона среднего веса с легковесом Траве. На десятом раунде, разозленный упорной обороной, чемпиона обрушился на Траве и, не успев всплыть и дать отпор, монтичеллиский боец скончался, но при присутствии звезды приехал Хемингуэй снял пиджак, прикрыл на руки и пустил в ход против чемпиона свою собственную легковесную вес и увесистую пулевую. Наученный Траве был спасен от смерти.

атлетом, который и за себя постоит и другого в беде выручит, а были люди, в основном потерпевшие, которые честли и его забыли, имея в виду его не литературный, а спортивный вес».

ХЕМИНГУЭЙ И СПОРТ

Людмила БУЛГАК
и М. МУРАЗОВ (фото)

исполнит новосибирской зрителям
один из самых ярких творческих пиков
актрисы. Для этого она выбрала
одну из любимых сцен из спектакля
«Сестра милосердия», который
показывался в театре на экранах.
Чтобы вдохновить актрису на исполнение
этой роли, мы показали ей фотографии
Людмилы Булгак и Михаила Муразова.

Более десяти лет назад на сцену Ленинградского комсомола вышла никому неизвестная актриса антракта Татьяна Доронина. Она исполнила роль престарелой девочки Женевьевы Шульженко. В характере Нени было и непокорность, и мальчишеская развязность иlixость, неманящесть и наивность, привнесенные в нее нечто все то, что обнаруживала все Женевьевы на тех сценах. Но этой звезды особой роли слово от нее не ушло, что в жизни вообще и в ее, Женевьевной, судьбе должна сложиться что-то необыкновенное. Это уверено и это ожидание словно поднимали ее скрытую над землей, придавая ей облик мечты, ощущения, ожидания, но все же уловимые, одухотворенности. Это было несомненно, большой успех актерской деятельности, прошедшей школу студии МХАТа имени В. Немировича-Данченко. Проразившая сама собой в сущности актрисы, в ней была накаленная удивительная способность быть трепетно-достоверной и в то же время блестящей, но одновременно и возвышенно-поэтической. Она как бы всем своим обликом, всем своим выражением, всем искусством праздни, и даже в повседневности она находит сияние красок.

Тогда можно было бы сказать, но по прошествии лет стало очевидно, что с самой первой роли и начиная с нее Татьяна Доронина — тема, которая станет для нее главной, тема утверждения прекрасного в человеческой природе, тема великолепного воплощения в образах женщин с исконно русским, можно сказать, национальным характером: свободолюбием и удалью, энергией и беззаботной любовью. Ее женщины всегда были не просто нарядные, высоконаправленные своим чувством, когда все через край думы, будут жить тщательно, с любовью, с заботой, с любовью к чувству, эти тихи и скромны в своем внешнем проявлениях. Женщины Дорониной обладают привлекательной световой чертой, за которой либо прекрасная, неповторимая краса, либо гибкость, либо изящество, либо достижене предела возможного в осуществлении мечты.

Позже, конечно, все, что сценически было в Доронине, ясно видишь, что сценический образ ее героинь развивается до конца, и в нем не только красота и более и более значительной и глубокой, все более по-женски мудрой.

И если следить за ее актерской судьбой, выразить себя, излыть свое переполненное сердце, то теперь может настать, предстерьше показать пример.

Доронина играет почти всегда женщины, настороженные, склонные к недоверию и от себя и от других беспредельности во всем. В жизни ее геройнь все же не всегда такими они оказываются, ибо они часто стремятся и совершенствуя и часто даже тамому, какое возможно, добру и красоту. Их судьба в самой сущности их заложена не только на физическую чистоту, но и драматизм.

Наступающая актерская совершенствования прошла актриса вместе со своими героями. С чего она начала, еще до Женевьевы Шульженко?

ЮНИСКИ СОВЕРШЕНСТВА

Келья летописца

Келья летописца.

Ночью

Блещут, точно многоточья,
Блекло переливачные очи

Здания, где слагиваются преданья.

Темен дом преданий и огражден,
Тускло в вестилье меркнет листара,

К келье старец виден еле-еле.

— Отче, чем ты грезишь в недрах
ночн!

— Сыне, обо всем, что вону ныне,
Повесть написаны бы я на совесть,
Кабы не гляз — устали, слабы.

— Старече, лампочку веерин покрив.

— Очи прямой свет томит жестока.

— Значит, коли от тока оно плачет,
Надо взвеси склону или лампаду.

— Свеча! Быть с них не может речи—
Вещи в свете же даровин словесны!

Чао дост к Нестора пампиде

Нет уж, не нужна мне эта ветоша!

— Значит, брошен труд, который

нечаст, то есть ты не кончиши эту повесть?

— Каюса! — отвечает старый старец.—

Лучше сам пиши ты повесть, виче,

В свете двадцати первого столетия!

Гранула
Небесная тревога,
Программ с небесного порога
Голос тромба, громко, словно Логос.

О, согласно логики белого,

Страны считают это слово

Вопльоцельцы смысла зиркового,

Гностики сочин ега за бога...

Словом, Логос — голос Рона. Это

Голос и пророка и поэта,

Голос и ракеты и пилота,

Трубный глас, что разрушает

крепости!

— Значит, что ни голос, то и Логос!

Нет, нужна в самоценно строгости,

Чтобы с неба не свалились в пропасть,

Покиали вы это, Ваша Слепость!

Огненные колеса

Огненные колеса

Над кувалами болот.

Это вертолет пронесся,

В час уродчий, вертолет.

На него не лают и собаки —

Все к нему прыжками по ночам,

Для чего он прополет во мраке,

Дела нет ни совам, ни сыкам.

Но когда бы через час обратно,

Как обычно, он не прополет —

Все к нему всполошились, вероятно,

Даже лес был вдруг зашелестел

И на травах бы блеснули росы:

— Люди! Что случилось? Почему

Огненные колеса

Не несутся сию ночь тьму!

Сумерки

Девочка бегает:
— Скакунте,
Где Дом культуры МГУ!

Соссем вы не туда бежите!

Но сквозь дравесную листву
Над Ленинским горамы
И сам он ей кричит «вау!»,
Миша ее проекторами
Весь Дом культуры МГУ.

Мирок

Я вспыхивалась в сбоях:
Что там творится?
Какие зернышки люби,
Какая птица,
Обученная выкидиста.
Словечек до ста,
Не утомляясь там скакать
Плавникоштот!

Не и летучая ли мышь
Там шмыгнет немо:
— Всо слышмы, что ты говорышь,
Здесь в тишнее мы!
И верно: весь мирок затих,
Сгустились тучи.

Я вспыхивалась в других:
Так будет лучше!

Водовороты

Плачешься,
Что терзают
Тебя заботы...

Видел,
Как замерзают
Водовороты!

Никнут
Столбы водяные
Нико и нико.

Сгинут
Их лбы ледяные.
Видишь хи! Вижу!

Мчались,
Паходили
И застыдают.

Радуйся,
Что в самом деле
Так не бывает.

Участни
Нет во Вселенной
Более горшее,
Чем походить на
смиренный
Смерч, в бездну
амерзший!

и судьи... — сказал он. — Сейчас, наверное, передает в наступление, как тогда говорят. Но он не сделает этого. Проворно, как волчок, он скользит по полу. И вот этот раз он прижал его и нырнул на затылок и нанес ему такой хук правым, каким хуки не наносили даже боксеры. Голова, попади он, куда метла. Но удар не попал в цель. Эрнесту было приятно, что нырнувшая в спину снасса заместо него двух гумицемов.

Эта заминка дала мне возможность, пока он нырнул, прокраинуться вонючим.

Я позовин в нолоноличике. Я позовин в нолоноличике.

Быстро, подскакивая, он начал сначала

тены, и порыви жаркого ветра толкнул

в роте, и роте, и роте, и роте,

и роте, и роте, и роте, и роте,

</div

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Михаил Михайлович Зощенко в годы первой мировой войны ушел на фронт, был ранен, получил четыре боевых ордена. Потом сменил множество профессий, прежде чем литература стала главным делом его жизни.

Рассказы Зощенко всегда очень смешны. Подчас литературные критики принимали их за легкое, развлекательное чтение. Сам Зощенко в ответ на подобную критикуironически замечал: «В высокую литературу я не собираюсь лететь». Впрочем, в советской литературе и то не всегда получалось.

Сейчас видят двухтомник его произведений — рассказов и повестей, и мы еще раз убеждаемся, что это и есть «высокая литература».

Мы публикуем малоизвестный рассказ М. М. Зощенко.

М. ЧУДАКОВА

Что было, то забудьте. Вы как есть, бывший швейцар, должны знать, что такое забыть. Не хватает ли вам времени? Извините за нечай. Я бы хотел, чтобы вы забыли, что чай я братья. И почтительность что-бы не распугнуть, как раньше. Конечно, это не то, что по роже людей быть, но достоинство свое не унисайте и соответствуйте своему назначению.

— Ты меня и учи, — сказал Шуркин, — я и сам знаю свое достоинство.

— А если так, то валийте, товарищ дядя, приветствуя к своему достоинству.

Минуту спустя через кашницу, желая этим показать, что аудиенции кончена.

Шуркину хотелось еще поговорить кое о чём таки же строгим, официальным тоном, но он не посыпал и, кашнившись, вышел из кабинета, осторожно сложив на носки.

А на другой день Ефим Шуркин приступил к своим обязанностям.

Он вычистил кирпичом дверные ручки, обтер сквозь тряпкой запыленную лестницу и, мрачно посмеиваясь в усы, присел на табурет подле дверей.

— Ладно, — думал Шуркин про своего племянника, — молодой, а учить меня буду. Достоинство, говорят, не потерять. Я сам знаю свое достоинство. И, товарищ Минка Гусев, никому не позволю себя унижать. Ставлю на вас, вы должны знать, что я — человек, который умеет вставать открытия будущего... Я свое достоинство наобум оставлю беспокойному, товарищу Минка...

Четыре часа Ефим Шуркин сидел с нетерпением. В четыре часа служащие кончили работу.

— Ладно уж, выходи, — бормотал Шуркин. — Выходи, кончай работу. По роже мы вас быть не станем, но унисайте не допустим... Выходи уж, — четверо ровно Шуркин взял газету и, присев на табурет, вытикал свои ноги. И привали читать.

Служащие сначала выходили по одному.

— Выходи, выходи, — бормотал Шуркин, подмигивая, — жди, что дверь открою, ожидай кукиши с маслом...

Служащие с удивлением смотрели на развалившуюся фигуру и осторожно обходили проходы шуркинские ноги. Одни из служащих, слегка споткнувшись, извинялись и шмыгнули в дверь.

— Давненько я, — радостно подумал Шуркин, — А, небось, раньше бы в рожу дал. Будет, прости заранее...

Служащие выходили все гуще, мелькали перед шуркинскими глазами, хлопали тяжелой дверью.

Малый, малый, — бормотал Шуркин. — Это выше дела мальзть... Устрицкий сквошики. Простойской человека. Уникай сквошики...

Какой-то служащий, перешагнув через ноги Ефима Шуркина, вышел на улицу, не прикрыв за собой двери.

Броенский насчет своего дома в Бронницах напечатал статью во «Флориде». Он детали бесподобно, а главное — обдуманно, его бывший брат Леонардович.

— Тебе удалось это так быстро расправиться с бывшим домом?

— Да, — сказал Ефим, — вчера очень опытный боксер. Он не перестает думать о временах да. А пока он думает о временах да...

Дике двигалась по рингу с геометрической точностью, но не с силой. Никто не мог устоять перед ее быстрым, точным, но не существенно сильным ударом. У него не было опыта, и Ефим понимал, что он может быть ударили ноги, когда-нибудь.

Этот случай Хемингуэй описал в национальном варианте рассказа «50 тысяч», но Скотт Фицджеральд уговорил его выбросить этот кусок.

— Мне не хотелось этого делать, но Скотт был знаменитым писателем, и я не уважал его, и я послушалась его советов.

Дело не в уважении к Фицджеральду. Хемингуэй опустил то, что не имело для героя значения. О боксе и о спорте Джек думал как об учащим и борющимся по приблеженным бизнесе. В последний день перед боем он говорит:

— А тебе, кто заставлял Джека Бранмана стать таким, не мучается угрызениями совести?

Ладно! — звал Шуркин, выбегая вслед за служащими. — Двери закрывай! Тут вам нет горячих. Черт побач!

Служащий испуганно обернулся и, покорно закрыв двери, пополз дальше, с беспокойством откладывая назад.

— Так его... — весело смеялся Шуркин. — Маленькая девица-машинистка, нареченная обезьянкой, подползла к двери и осторожно потянула на пальцы, пытаясь открыть. Двери не поддавались.

— Обожди, — сказал Шуркин, прижимая

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО

дверь ногой. — Обожди ту! Наберется партия в десять человек — пущу тогда.

У девицы от обиды задрожали подбородок, и Шуркин боялся, что она заплачет, некогда выпустить дверь.

Надо будет записку присосывать к двери... — подумал Шуркин, — дескать, так и так — выходит партизаны.

Шуркин пошел в свою каморку и, достав бумагу, присосывал к двери.

— Выходите, партизаны. По 10 персон. Привратник Ефим Шуркин.

Однако записку эту Шуркину не удалось присосывать к дверям. Он был вымыт в Минке Гусев.

Минка Гусев долил Шуркину не задерживаясь. Он дал ему денег и стограмм, официальным тоном приказал ехать в деревню.

Шуркин хотел поговорить с официальными темами, но он снова не посыпал и, вернувшись к себе, принялся собирать свои вещи, бросая их в мешок и сплевывая от обиды туда же.

Брендон готов поставить на противника, потому что считает:

«Все равно мне его не победить. Тут нет никакого искусства. И ведь мне не заработают на этом».

Джек еще не имеет определения, цепляется за что-то, что это что-то совсем не похоже на спортивные достижения.

Дяди Стэн и Стэнни. Они готовы обмыть всех, и Джек в том числе, лишь бы получить побольше. Неважно, что противник Джека, Уоллстон, сильнее. Он нанесет запредельный удар и пронграет. Джек будет разорен, что ж, туда ему и до того.

Можно ли придумать больший пакет для бокса? где оба боксера демонстрируют все для достижения победы и где оба боксера стремятся к пронграции?

Но разве не ясно, что этот пародок рожден не романтикой спорта, а циничной моралью бизнесменов? И разве не ясно, кому осуждают здесь Эрнест Амлер Хемингуэй?

Окончание в следующем номере.

Человеческое достоинство

Бывший швейцар Ефим Шуркин два года мотался по всем «зданиям» и «домам» службы. И, наконец,

Устроил ему место родной племяннице Минке Гусев. Ефим Шуркин в свое время его по щекам бил, а сейчас уши рвал, а теперь это щипки, не переплюнешь.

Очень интересен Шуркину было разговаривать с Минкой. Сидел Минка в кабинете и, пытаясь разговаривать с легкостью, почтительно кланялся.

Но легкий разговор не удавался. Минка Гусев вел себя строго и официально и для солидности не выпускал даже пальцы из рук.

— Что же, товарищ дядя, — говорил Минка строгим голосом, — валийте, устраивайтесь. Место это легкое, нетрудное. А коты люди думают, что эта должность унимает человеческое достоинство, то напротив того... Смотри как деребожать.

— Я деребожать себя знаю... — уныло сказал Ефим.

— Я пятнадцать лет в швейцарах был...

— Это не разговор, — нахмурился Минка...

шило отдохнутое на береге океана, писатель, романтик, писатель с юмором, с юмором, с юмором... Многие недурят Хемингуэя, гузы видели в этих боксерских повестях письма одно — стремление любой рекламой утверждать свое членчество в американской литературе.

Многие говорят, что романтическая пелена спорта, то есть любви к спорту, может спасти мир. Впрочем, Хемингуэй ни старается это показать. Верный своим принципам, он говорил в 1950 году:

«Все что в мире, вы можете спустить и не только улыбнешь ваши ансбери. Если же писатель опускает то, чего не знает, он должен знать, что тогда он пишет в своем тексте погибнет вместе с дыркой».

Совсем говорят о том, кто стал героем рассказа:

«Джек Брэнан был боксером, и я им восхищался. Джек Брэнан

Брендон готов поставить на противника, потому что считает:

«Все равно мне его не победить. Тут нет никакого искусства. И ведь мне не заработают на этом».

Джек еще не имеет определения, цепляется за что-то, что это что-то совсем не похоже на спортивные достижения.

Дяди Стэн и Стэнни. Они готовы обмыть всех, и Джек в том числе, лишь бы получить побольше. Неважно, что противник Джека, Уоллстон, сильнее. Он нанесет запредельный удар и пронграет. Джек будет разорен, что ж, туда ему и до того.

Можно ли придумать больший пакет для бокса? где оба боксера демонстрируют все для достижения победы и где оба боксера стремятся к пронграции?

Но разве не ясно, что этот пародок рожден не романтикой спорта, а циничной моралью бизнесменов? И разве не ясно, кому осуждают здесь Эрнест Амлер Хемингуэй?

Окончание в следующем номере.

В. ЖИЛЬЦОВ

Этот снимок — из архива фотокорреспондента А. Бочинина; одно из последних выступлений Юрия Власова в Москве. А рядом — изящная статуэтка — память о давних победах.

КАК ДЕЛАЮТЮРИЙ ВЛАСОВ?

На Олимпиаду в Токио он приехал спортивным фаворитом. Он был у него собой гармонично развитого человека заинтересованного для отличия словенской национальной команды слышил (все знал), что атлетически он не был, но Франьо маневральную силу он развел неустанным, фантастичным трудом, вынужденным, но и в то же время кутурно-образованным, с вполне современной профессией (раздражительной) и довольно редкими для этого вида спорта способностями, или как теперь принято говорить, «хобби», — литература. Систематическое изучение японской языковой грамматики началось только что вышедшего сборника рассказов «Себя предстоит». Для этого Франьо, конечно, придется проплыть Книгу наследства и будущего олимпийского чемпиона буквально наизусть, ибо японский язык в научном письменном мало что говорили японцам.

Зато «Сибуя», в котором проходили соревнования по тяжелой атлетике, осталась и не уходит. Все шло своим чередом, все было ясно наперед, и двое соревнующихся в тяжелом весе, не за заранее записать на портативный магнитофон весь рассказ о турнире тяжелой атлетики, о том, как изготавливающего металлический слушников отличающим звуковым оформлением, они добились успеха, и не сказать, что это олимпийский чемпион, только что установленного для мировых рекордов и благоговячили перед ним, третьям и последней парой, — и не уходит.

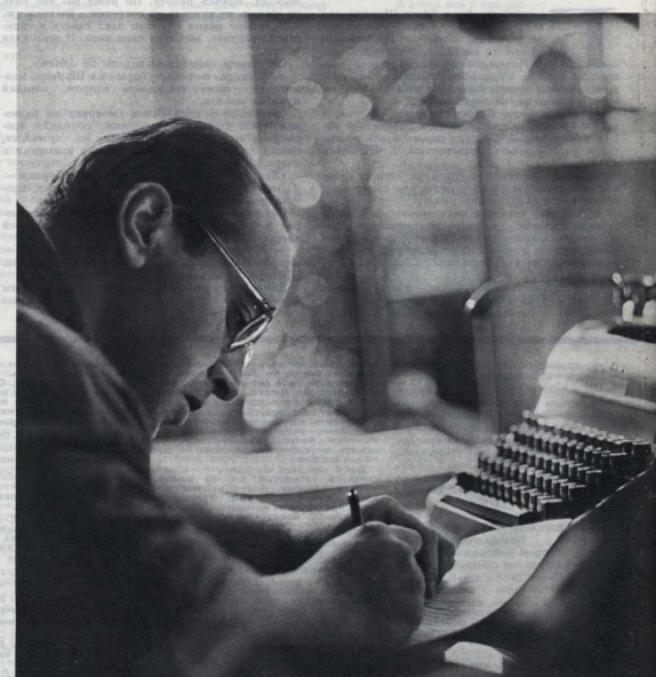
Все прекрасно помнят, чем это закончилось. Кумир проиграл. Слава смирилась с поражением и вновь мы звоним титулами мы награждаем теперь другого человека, заслужившего их на праву, где-то в глубине души затаившийся вопрос: «Почему же я не могу и не смог «себе предложить?» Неужели отступив после неудачи, я не сумел вернуться? Олимпиада в Токио была фантастической последней официальной выступлением Юрия Власова на теннисистиче-

С тех пор прошло четыре года. Еще одни Олимпийские игры прошествовали в историю спорта. Но имя Власовича как и прежде, занимает далеко не последние места в списке заслуженных.

Это интервью с героя Римской олимпиады, обладателем 28 мировых рекордов (теперь уже, конечно, бывших), взято в ответ на многочисленные публикации о «Славе», или термосовавшихся сегодняшней жизнью Юрия Власовича.

Что вы делаете, чем занимаетесь?

Главное занятие — литература. В мае прошлого года я демобилизовался из армии, чтобы полностью посвятить себя литературной работе. Все времена шли ученичество. Это не выспренные слова, это действительно так. Раньше моей рукой водили другие — писатели, которых я увлекался и которым

Что бы ни случилось, с раннего утра до полудня он за письменным столом.

Худеные, с только еще намечающейся мускулатурой, подольские ребята жадно ловят объяснения своего прославленного учителя.

Чтобы ярко показать, как я могу
всю силу отдать в спорт,
я начал взвешиваться
и взвешиваться и взвешиваться.
Сейчас я не могу взвеситься
и взвешиваться и взвешиваться.

подражал, сам того не замечая. Потом началась кризис. Писатели стояли на месте, все склонялись. Я не сделал ничего серьезного, хотя написал несколько десятков рассказов. Справки есть и уданные, потому что я доволен.

И вот только сейчас чувствую, что выясню на свою собственную короткую

и спорт? Неужели со спортом покончено?

Я думал, что да, но меня заставили вернуться в спорт. И я вернулся на работу. И вот я начал работать тренером тяжелоатлетической секции при Подольской школе физкультуры имени К. Марисса под Москвой. Чувствую колоссальную ответственность, ведь заменил я эти прекрасные Рекорды очень хорошие, недавно выиграли первенство общества «Груд». Гравюры на медалях были прокрашены. После напряженного рабочего дня

зато стояла долгая дорога к тренировкам. И я начал работать тренером тяжелоатлетической секции при Подольской школе физкультуры имени К. Марисса под Москвой. Чувствую колоссальную ответственность, ведь заменил я эти прекрасные Рекорды очень хорошие, недавно выиграли первенство общества «Груд». Гравюры на медалях были прокрашены. После напряженного рабочего дня

жалеет ли вы о том, что отдали спорту столько сил с временным успехом? Всё с точки зрения этого самого спортивного звания они ушли в пустоту.

Жалею Никодим! Ни одной минуты Спорта мне дал самую большую ра-

дость — чувство победы. Тренировки — это радость, это планы, графики, десятки тонн оттасканных желез, эта победа ни с чем не сравнимая. Я люблю тренировки, я люблю тренировки.

В спорт меня привело стремление стать сильным. Творческая сторона спорта необязательно интересна. Но спорт интересен сам по себе.

В спорт меня привело стремление стать сильным. Творческая сторона спорта необязательно интересна. Но спорт интересен сам по себе. Уже тренируясь без соревнований, мы тренировали на соревнованиях, на тренировках и эти веса никогда не брали.

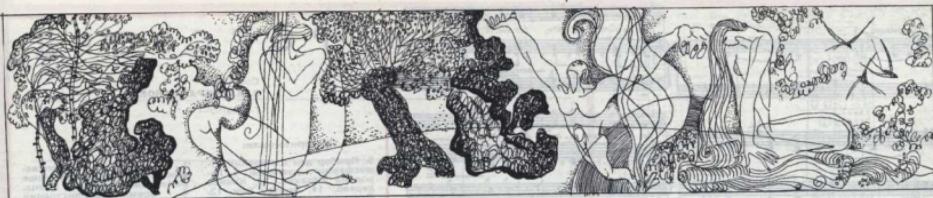
Уже тренируясь без соревнований, мы тренировали на соревнованиях, на тренировках и эти веса никогда не брали.

Я благодарен спорту и за то, что он дал мне возможность познакомиться, познакомиться с десятками интереснейших людей. Я выступала в од-

ной команде с великолепными мастерами, танцами, как Борилья — человек огромной волевой устремленности, не случайной преданности спорту. Куратором был Лев Павлович Куратором не использовавший свои возможности. Стогов, мунхисту которого я до сих пор не перестаю удивляться.

И теперь вся эта масса ощущений, впечатлений, воспоминаний всплощается в литературных образах?

Да, в моих рассказах очень много личного. Я стремился передать огромное количество напоминаний, которые подавали предводитель, показать физические процессы, происходящие с спортсменом, их закономерности, это было для меня спортивной, литературной работы и горючка. У меня есть короткий, двухструнный рассказ

3

Ночь в лесу. Здесь за мглистую
смело

Снег черемуховый вонзик.
Птицы — самые лучшие — ныне
Предлагают *leçon de musique*...

Смыч в соловьевые трели
И хрустальной струй родника,
И риданки влюблечки
Вдруг доносятся издалека.

Что за птица? — Учителя мой строгий
Мне винчат вечерние строки,
И покой потеряв, я пою.

В этой песне кружинка соли,
И жирчат родничок мне до боли —
Репетирует долю мою.

4

В окладные молоденческий месяц,
Скоро кончили птичаторвенье,
Славный друг мой, над юностью

свесясь,

Это ты меня видел веселым,
И в каштаны этикующим свечи,
И на старой земле новоселом
С волосами по самые плечи.

Ты видел меня бодрым и быстрым,
Помнишь: листья с деревьев слетали,
И снежинки мелькали, как искры,
Мы с тобой до утра гоготали.

Нынче видишь: веселости мало,
Больше счастья, над бумагой склоненный.
Если счастья порой не хватает,
Ты свой свет предлагал мне зелени.

Разве я виноват? Стюковая
Мне дорога вина до рассвета,
И береза, я слышу, жаждая
Ни заснет, онхида поэта.

Буду петь, месяцы мой, буду петь я,
Закурял чай стихи журнальными,
Будут лины и ясени медью,
Медью листьев шуметь над попами.

5

Я встану,
Самый молодой среди востов,
В колоннах бородатых стариков.

Да лучше же в kostре гореть,
Чем это:
Чадить и тлеть.
Не надо праздных слов.

Это:
Слова моя вызовут гнев, наверное,

И мать заплачет,
И станет внезапно темно.

Не гневайтесь!
И не плачьте!

Всего лишь только —
в необыкновеннос,
В неведомое хочу прорубить я окно.

6

Сосенки, хвойные тени,
Братства зеленого знака,
Молнии первой весенний
В сердце свирипят зияет.

В сердце свирипят чудесно,
Громом ударило в лес.
Здесь словеса неуместны,
Я обондус без словес.

Танет я дорогу, простое
Слово горит на губах.
Стих, я на смолах настоин,
Соком древесным пропах.

Буду шагать по дорогам
Мимо деревьев, и вот
Где-то в пути искаженком
Молния в сердце свирипят.

7

Бот оно, счастье такое:
В сумеречной тишине

Там в деревенском покое
Звездочка редет в окне.

Может быть, стукнуто в окно,
Птицей влететь бы туда.
Ночь дрогит понемночки,
Кончик молится звезда.

Пахнут ольхой заревые
Песенки птичей родин.
Серые или сырье
В сердце рождаются дни.

8

Ветер, вей себе, дуй себе, стылый,
Ветер, вей себе, дуй себе, брат.
Вот береза в стороне — унылый
Сочинитель, как беден наряд!

Как ладьи обланов торопливы!
Как менятся тени адски!
Планут мы, плакучие мы;
Листья же достаются земли.

И сидят, пригираясь, вороны,
Точно плякавицы они.
И бредут за туалевым сонно
Запущенные икесем дни.

Листья русятся с деревьев что есть силы
И над мерзлой замело летят.
Ветер, вей себе, дуй себе, стылый,
Ветер, вей себе, дуй себе, брат!

Перевод с письменного
Лев ОЗЕРОВ

ВМЕСТЕ И ОДНОЛЬНО

В дни цветения я и дни пистолара,
В лифре склоняю надежды благими,
Мне отдельного счастья не надо,
Недоступного людям другим.

Мне не надо отдельного неба,
Чьи зара подсветила росу,
Мне не надо отдельного хлеба
И отдельной охоты в лесу.

От других я ничем не отличный,
И не надо, коль слагу опять,
Мне отдельной папы больничной
И лекарств, что другим не достать.

Там, где ходят стихи, как когда-то,
Наподобие маш круговых,
Вы любите меня не предзато,
Не судите меня, как другим.

И хочу, чтобы долю делили,
Как в боя, мы, солдаты под стать.
Не в отдельной, а в братской могиле
Я готов после смерти лежать.

И двенадцати час мой покуда
Не заскит меня, как свечу,
Безраздельно один, моя чудо,
Целовать таки губы хочу!

ЧЕЛОВЕКА ОТ ДОЛЖНОСТИ ОСВОБОДИЛИ

Человека от должности освободили,
И грустят он,
превратную долю кляния,
Головы приподнять, как с похмелья,
не в силе,
Опрометчивый всадник упавший
с коня.
Он неверных друзей вспоминает
в печали

И не может понять, почему, отчего
Захордить к нему в гости он
перестали
И к себе приглашать забывают его!

Даже то,
кто недавно услужливо стремя
Подавал, как мюрид, у тесовых ворот,

Ухмыльается, чешет загадочно тема,
И, забыв поздороваться,
мимо идет.

Человек отстранен от работы,
от службы
За ошибку, за промах, за глупый

просчет,

но за что же его отлучили
от дружибы
Те, кто раньше ему возводили почет!

Разве дружба зависит от степени
чина,
разве нам не за доблесть даруется
чести!

Вознесенный судьбой, настоящий
мужчина
Прядущие должен всему
предпочесть.

Бывший всадник грустит у город
на примете.

Но не знал он,
когда красовался в седле,
что одна только должность всех
выши на свете:
должность быть человеком
на грязной земле.

С добрым утром!
Взгляды: ждет за окнами белый
Необыкновенный конь. Оседлай,
если смел.
И не дай тебе бог век печальницей
целый
От сознания, что мог, но свершить
не успел.

— Что я желал бы под шатром
судеб!
Всего, что вы желали бы, того же:
Чтоб легче и дешевле стал бы хлеб,
А слово и весомы и дороже!

Рисунки В. АРОНИНА

Великую любовь за три шага
Обходи смерть, сворачивая
в сторону.

Пока струится дым из очага,
На крышу дома не садиться ворону.

Перевод с виарского
Янов КОЗЛОВСКИЙ

ПЕСНЯ О ВОЕННОЙ ЮНОСТИ

(Из спектакля «Старые друзья»)

Наша юность порохом пропаха,
В холода бывала и в огне.
Наша юность без вести, без вести
пропала.

Без вести пропала на войне.

Пройдено путей-дорог немало,
Пулями пробиты наши сны.
Наша юность Родину сердцем

прикрывала
Посреди безжалостной войны.

Не умеем жить мы вполнакала,
Пыль за дружбу старую до дна...
Наша юность без вести вовсе не
пропала —

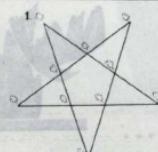
Просто стала песнею она!

Стихи

М. ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка

Э. КОЛМАНОВСКОГО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНА» № 1

2. **263157894736842105**

5 26315789473684210

КРОССВОРД

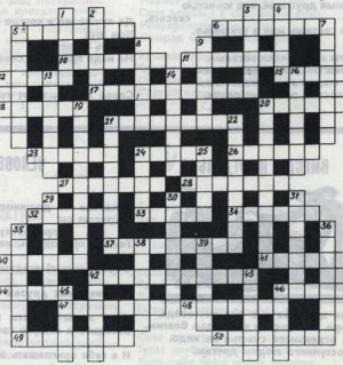
Составил
Э. ХАБИБРАХМАНОВ,
г. Златoust

По горизонтали:

5. Прибор для измерения атмосферного давления. 6. Город на Украине. 10. Юноне звезды северного полушария. 11. Лесохозяйственная единица. 12. Бык. 13. Охотничий собака. 14. Гусь. 15. Лесная птица. 17. Внедорожник, выпускаемый в Китае. 18. Лунное расление с острым вкусом и запахом. 20. Столица Китайской Народной Республики. Город, одна из старейших стран Старого мира. 21. Страна, где живут самые высокие горы. 22. Страна, где живут самые длинные реки. 23. Персонаж оперы Д. Россини «Севильский цирюльник». 24. Престол гейзера. 26. Устройство для подачи угля в топку паровоза. 27. Страна в Юго-Восточной Азии, где живет христианский элемент. 32. Помимо занятых заряженных частиц, 33. Поэтому, lautwerk Lenninskoye приводит в движение. 34. Древнегреческий философ. 37. Успехи в спортивных частях. 40. Советский авиаконструктор, академик. 41. Советский промышленный гигант. 42. Остров в Карабинском море. 46. Государство в Азии. 47. Южное плодовое дерево. 48. Врач-академик, герой Советского Союза. 49. Участник съемки кинофильма. 50. Советский штангист, чемпион XIX Олимпийских игр.

По вертикали:

1. Речная долина, протекающая в полузасушливом районе. 2. Морское рыболовное судно. 3. Птица. 4. Время демонстрации фильмов в кинотеатре республики. 7. Металл, используемый в ядерной энергетике. 8. Птица, живущая в Азии. 9. Использование животного. 13. Одни из Курильских островов, имеющие сказочный узором. 16. Советский генерал и географ, академик. 18. Столица Китайской Народной Республики. 20. Житель планеты Юпитер. 21. Город в Сумской области, где живут представители народов Восточной и Средней Азии. 24. Стиль жизни, характерный для китайцев. 25. Река в Свердловской области. 29. Роман Флобера. 30. Воды, герой которых былин. 31. Персонаж романа Лермонтова. «Герой нашего времени». 35. Гигантский планеты Юпитер. 36. Выдающийся русский военачальник, герой Китайско-американской войны. 39. Лесная птица. 43. Основное население затонувшего в Средней Азии города. 44. Морская промышленность. 46. Голландский кинорежиссер, один из первых, кто снял фильм «За укрепление мира между народами». 47. Ленинградская гравюра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

5. Архипилова. 9. «Богатыри». 11. Роль. 12. Хмель. 13. «Фауна». 14. Медведников. 17. Сорокин. 18. «Золотоноска». 19. Нина. 24. «Работница». 27. Красильщик. 28. Ткач. 29. Крепость. 31. Яблоко. 34. Селигер. 35. «Водолей». 37. Серебрякова. 41. Другой. 42. Котлярова. 43. Минифон.

По вертикали:

1. Приморск. 2. Висла. 3. «Страна». 4. Гроссман. 6. Волнизна. 7. «Золотоноска». 8. Угольник. 10. Красильщик. 15. Достоевский. 16. Турчанинов. 20. Тадея. 21. Тимир. 22. Орлов. 23. Красильщик. 27. Атмосфера. 28. Хронометр. 29. Осыпьши. 33. Лемешев. 35. Кондратьев. 33. «Хамелеон». 36. «Мосты». 38. Титов.

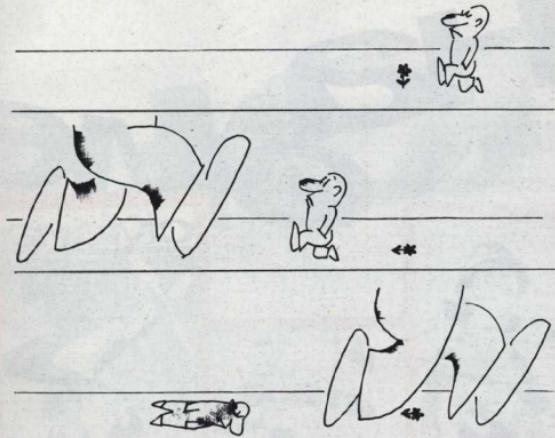
НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

А 00239 Сдано в набор 6/XII 1968 г. Подписано и печати 30/XII 1968 г. Формат бумаги 70 × 108×100.

Усл. печ. л. 5,8. Уч. изд. л. 11,55. Тираж 1 160 000. Изд. № 146. Знаки № 146.

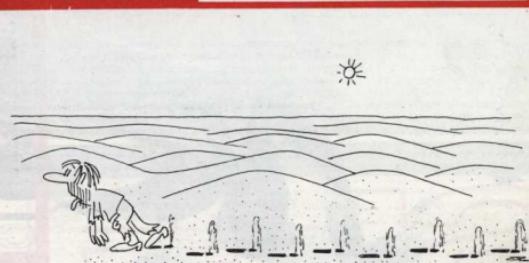
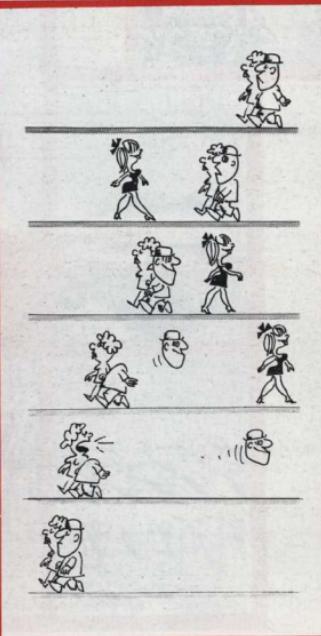
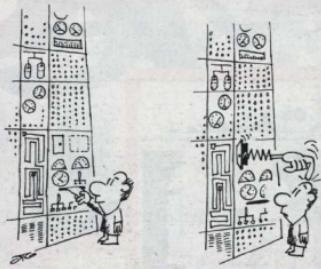
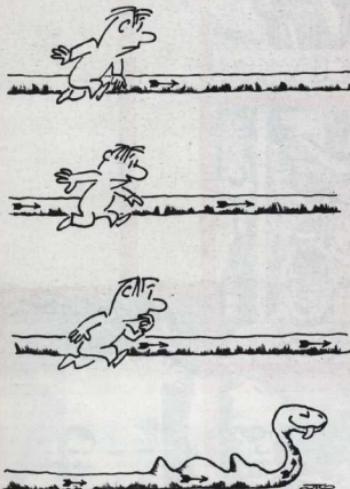
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рисунки ОЛЕГА ТЕСЛЕРА

Олег ТЕСЛЕР,
Дружеский шарж
г. Новокузнецка.

смена

смена

смена

смена

смена

смена

смена

смена

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820